

Антон Самсонов

*Сын
Президента*

*Сатирическая
антиутопия*

Антон Самсонов

Сын Президента

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11302816

ISBN 978-5-4474-1756-7

Аннотация

Большая страна согласна с любым решением Президента Волкова. Благодарные избиратели готовы простить ему любые грехи. Но даже сам Президент не подозревает, что 17 лет воспитывал чужого ребенка, а его настоящий сын воспитан либеральными ценностями... Но разве это проблема, если вы – Президент? Или все-таки проблема...

Содержание

Информация от автора	5
1. Я думаю о тебе и мир меняется	8
2. Деньги	30
3. Наизнанку	57
4. Вся жизнь	99
5. Словно в первый раз	123
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Сын Президента
Сатирическая антиутопия
Антон Самсонов

© Антон Самсонов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Информация от автора

Уважаемый читатель (критик, зевака, сочувствующий, прочее – ненужное вырезать тигельными ножницами и выкинуть)!

Книга, которую вы открыли, написана исключительно по собственному политическому заказу. Никаких прочих сил на меня не действовало. Финансовой стимуляции с любой из политических сторон не было и не будет, поскольку в противном случае эту книгу давно бы издали и преподносили как «новое слово в литературе». При этом совершенно неважно какая из сторон оплатила сей опус. Деньги есть и там и там, а я если и принимаю взятки, то только в вышедших из обращения валютах. В связях с оппозицией и так называемыми деятелями протестного движения не замечен. На Болотной и Сахарова не присутствовал (и на последующих вакханалиях протеста тоже). От речей Навального меня клонит в сон, и я порой боюсь за судьбу Отечества. За Единую Россию и Путина не голосовал. И от его речей мне тоже иногда бывает страшно. По этой же причине я не хочу, чтобы это произведение воспринималось как попытка объективного отражения реальности. Все персонажи, может быть, немного похожи на свои прототипы. Однако мной, как автором, не ставилось цели четкого и подробного описания реально существующих людей. Все герои этого произведе-

ния – плоды работы моего разума, и, если я награбил кого-то из них словами, внешностью или набором черт, свойственных реальным людям – это мое полное литературное право. Главная цель, которую я ставил перед этой книгой дать пищу для размышления даже тем, кто эту способность окончательно утратил, утонув в сладкой лжи, что льется сейчас с экрана телевизора.

В связи с вышеизложенным я настоятельно требую, чтобы это произведение не воспринималось как политический заказ, памфлет или что-то подобное. Роман «Сын президента» – литературный эксперимент, сатирическая антиутопия, не более того. В чем-то философский взгляд на политический строй, действительность, национальную суть. И я ни в коем случае не хочу, чтобы люди примеряли маски героев этого романа на себя и обижались по этой причине. Особенно те, чьи образы получились наиболее приближенными к нашей действительности. Все что вы сейчас читаете – всего лишь политический триллер с элементами черной комедии, театра абсурда и сопливой мексиканской мелодрамы, без которой я вообще не вижу литературы. Поэтому, последуйте совету из памятки для женщин во время изнасилования, просто расслабьтесь и получите удовольствие. Если из прочитанного вы сможете извлечь для себя урок или вынести что-то ценное, я буду только рад – значит я не зря старался и писал эту книгу.

Ваш

Антон Самсонов

27.06.2012

И на всякий случай для тех, кто еще не догадался.

Все персонажи и события этого литературного произведения являются вымыслом. все возможные совпадения являются случайностью.

1. Я думаю о тебе и мир меняется

*Мы живем в этом жестоком мире,
Словно изголодавшиеся по плоти волки
И с тобой ощущение, что в этой тьме всё давно
потеряли...*

*Я загнан в угол и ищу тебя в нем, но глаза уже
не видят.*

*Я думаю о тебе, и мир меняется...
Current Music – Adriano Celentano – Ti penso e cambia il
mondo*

Огромный паук-город захлебнулся своим глупым и бессмысленным протестом. Толпа простых и не очень людей вышла на улицы чтобы показать, что ей не всё равно. Просто для того чтобы продемонстрировать именно это, ничего более. При этом они не обладали знанием о том, что именно, и, что самое немаловажное, как, хотят все менять. Им просто хотелось перемен. У них не было ни четкого направления, ни грамотно составленного расписания. Словно сумасшедший работник на железной дороге хаотично собрал в кучу все вагоны, заполненные недовольством, и выпустил их, подцепив в один состав, намеренно запутав нумерацию. И они поползли длинной змеей за локомотивом. На промежуточных станциях пассажиры в панике бегали от вагона к вагону в поисках своего, и не найдя кидались в первый попавшийся. Причудливый поезд вобрал в себя активистов совершенно

разного толка – от офисных хомячков, которые никогда ранее не причисляли себя к политической силе как таковой, до разнообразных маргинальных движений. Один умный человек сказал, что узость интересов, это когда ищешь в интернете информацию, а находишь исключительно собственные статьи¹. Вот именно к такого рода узкоспециализированным движениям относились эти разные люди. Их сайты посещались только ими самими, а наспех организованные движения не насчитывали и более двадцати человек. Но тут – они собрались вместе, и их, неожиданно оказалось очень много. Зеленые, радужные, розовые, лица в белых балахонах и прочие странные люди. С высоты птичьего полета этот бесконечный человеческий поток напоминал ирландское рагу, приготовленное поваром с серьезными отклонениями психики.

Огромная разнородная толпа, требующая сама не зная чего. Лица, которых не устраивает видимая стабильность. Люди, много людей. И все считают, что от их выступления что-то должно измениться, выстроиться в новую стройную линию. Причем само по себе. Сделать их жизнь лучше, чем было раньше. Хотя, для некоторых это как раз был протест против стабильности. Ведь если ты привыкаешь к спокойному течению скучной жизни, то быстро остываешь, расслабля-

---

¹ Автор заранее приносит извинения создателю этой цитаты. Точнее всем, кто посчитает себя таковым. А для тех кто посчитает – информация – ее автор – Линор Горалик. На копирайты не претендую.

ешься, начинаешь заплывать жиром. Отсутствие подвижности приводит тебя к еще большему увеличению веса. Тело тяжелеет. В такие моменты нужна хорошая встряска. А что может быть лучше протеста в теплый июньский день. Особенно если сегодня суббота, и ты избежал участи быть засланным на Дятлову гору.

Дело в том, что все сторонники власти, те, кому заплывать жиром очень нравилось, в этот момент собирались на Дятловой горе, чтобы четко выразить свою солидарность. И никого не смущало, что само название этой горы давало всем присутствующим полное право считать себя Дятлами. Причем не в значении трудолюбивой птицы, что дробит носом прочное вековое дерево.

Митинг оппозиции проводился на огромной площади центра Гостиного Двора Озерска – большого района многоэтажных офисных башен, коммерческого сердца города. Все, кто пришли выступить против власти и ее махинаций с последними выборами, хотели бороться. В отличие от Дятлов, которых согнали на одноименной горе под угрозой выговора или немедленных увольнений.

Дятлова гора располагалась на западной окраине Озерска, в этом месте был построен огромный мемориал, посвященный героям, погибшим в последней большой войне, которая, по правде говоря, закончилась почти сто лет назад. Толпа в этом священном месте была не столь разношерстной, как в Гостином дворе. Сюда прибежали истинные фа-

натики, потомки пережитков коммунистического прошлого, которые недостаточно нахапали в старые темные времена; а также простые граждане, которым не повезло работать на государство. Вторых было значительно больше. И многие из них слышали фразы вроде – «Если ты не поедешь туда, то в следующем месяце можешь не ожидать повышенной премии, а ты ведь прекрасно знаешь как легко ее лишиться, и насколько сложно заработать снова», или, – «Ты можешь исповедовать любые политические истины, только есть одно но – именно эти люди платят тебе деньги. И будет глупо отказаться от их требования в посещении этого мероприятия (да, руководство намеренно избегало определения „митинг“). Имей в виду, за стабильной зарплатой в государственном учреждении стоит огромная очередь. Незаменимых людей не бывает. Не пойдешь на Дятлову гору – пиши в понедельник заявление об увольнении».

И люди шли. У каждого была своя маленькая история попадания в огромную массу Дятлов, которые поднимали над головой плакаты с улыбающейся рожей президента Волкова и поддерживали все крики со сцены. Но, всё равно, хор получался очень вялый, зато на телевизионной картинке Большая Страна от западной до восточной границы видела, сколько людей пришло поддержать действующую власть. Просто-напросто наложить на телеизображение запись гудящей толпы придумали еще в прошлом веке. А еще ведь существует масса дополнительных средств и примочек, начи-

ная с простейших концертов бездарных фанерных певичек в поддержку кандидатов, заканчивая халявным сахаром и банальным подкупом избирателей круглыми суммами. Хотя округлость этих сумм в любом случае определяется бедностью кошелька реципиента.

Здесь было почти сто тысяч (в то время, как на площадку Гостиного двора собралось всего каких-то сорок, просто в силу того, что туда больше и не втиснуть, мэрия очень рационально раздает одобрения на проведение митингов).

Простые учителя, клерки многочисленных департаментов городского правительства, врачи государственных поликлиник, налоговые инспекторы, участковые полиции, студенты-бюджетники – вот какая публика стояла в толпе и размахивала флагами и патриотическими транспарантами. При том, что бóльшая часть этой толпы была готова плюнуть в портрет президента Волкова за напрочь испорченную субботу. Потому что значительная часть собравшихся даже не помышляла о посещении сборища на Гостином Дворе. Но власть подстраховалась, и тем самым рисковала потерять часть столичного электората. Однако это было логично – потерять десятимиллионную столицу и получить голоса остальных ста миллионов жителей Большой Страны выглядело рациональным решением. А демократия тихо рыдала, забившись в угол. Никому не было дела до глупой девчонки, урожденной в Древней Греции. В этом мире она не была нужна. Потому и ревели Демократия, и катились крупные,

как спелые яблоки, слёзы, падали на асфальт и лопались с оглушительным треском. А мир продолжал вращаться. Всем было глубоко наплевать. Потому что, если обращать внимание на каждую плачущую самку, то не хватит ни наличности, ни нервов, ни страниц бухгалтерской отчетности предприятия за минувший квартал, только что пролетевших мимо вашего окна, и загрязнивших и без того хрупкий биоценоз дворовой территории.

А вокруг природа искренне радовалась долгожданному окончанию весны. Массивные темно-зеленые лиственницы, окружавшие площадь на Дятловой горе, создавали неповторимый по красоте сочный пейзаж, которому не мог не радоваться взгляд. Все это пиршество тяжелой зелени изящно дополняли массивные каменные бронзовые изваяния и фонарные столбы в классическом стиле. Некоторые статуи были окружены изящными фонтанчиками и серебристыми стальными ограждениями, в том же классическом стиле.

Как уже говорилось, большая война закончилась больше ста лет назад, но о ней постоянно напоминали, почитали ее героев и вкладывали миллионы и миллиарды наличных денег в постройку все новых и новых роскошных мемориалов. Часть этих миллионов оседала в анонимных карманах власть имущих, но разве может идти речь о деньгах, когда задета честь семьи? Ларчик открывался просто – та самая Большая война была единственной крупной баталией действительно выигранной Большой страной. Комплексом неполноценно-

сти грешит любая Империя.

Окружающая красота Гостиного двора была скромнее и строже. Стеклянные стаканы небоскребов окружали иссиня-черные асфальтовые дорожки, небольшие кристально чистые пруды и массивные липы, готовившиеся набрать цвет. Вся эта природная радость оставалась в одиночестве – никто не обращал на нее внимание. Люди забыли о красоте и бросились в политику.

Сашка пробивался через людей в поисках конкретных лиц. Их следовало вытащить из толпы и доставить домой, так как родители приготовили большой обед по случаю окончания школы их единственным сыном. Но люди, как назло, не попадались ему на пути. Все сплошь незнакомые лица, неродные, серые, словно сошедшие со старой черно-белой фотографии.

Сашке было семнадцать лет. Он вырос в Озерске и очень любил свой город. Несмотря на шутки друзей, которые часто поддевали на сей счет родителей Сашки, он боготворил их, но не был похож ни на отца, ни на мать. Он отличался высоким ростом, худощавым телосложением. Зеленые глаза, темно-каштановые волосы и большой упрямый нос. В то время, как родители были низкого роста. Отец отличался склонностью к полноте, а мама и вовсе была пышечкой. При этом оба выделялись огненно-рыжими волосами и россыпями веснушек на лице. У Сашки их никогда не было. Мама любила вспоминать, что ее прадед был стройным темново-

лосым брюнетом. В него Сашка и пошел внешне. Но друзья все равно подтрунивали, что ребенка в роддоме подкинули. А теперь Сашка был вынужден бегать по площади Гостиного двора и ловить некоторых шутников, чтобы вернуть их на путь истинный – а именно – путь к квартире Сашкиных родителей где их заждался обеденный стол и множество яств.

Не сидится им дома, – ругался про себя Сашка, – что они забыли на этом сборище бездельников? Неужели рассчитывают подвинуть власть в сторону и заставить к себе прислушаться? Это невозможно.

Сашкины родители никогда не отличались радикальными политическими взглядами, но, в силу того, что они застали свержение коммунистического режима в школьном возрасте, выросли с либеральными воззрениями на жизнь. Те же самые настроения они успешно привили своему сыну, который часто пугал ими своих старорежимных учительниц. Одна из них, словно почуяла неладное – классный руководитель позвонила Сашке на мобильный телефон:

– Я слушаю, – ответил он на звонок.

– Саша, – спросил беспокойный голос, – ты сейчас в Озерске?

– Да, я в Озерске.

– Слушай, нам очень поздно прислали разнарядку, правительство города устраивает для выпускников праздничный концерт, не хочешь подъехать?

– А куда, – удивленно спросил Сашка, не сразу поняв весь

ПДВОХ.

– На Дятлову гору, – раздалось в трубке.

Вот шельма, – подумал Сашка, – будто я не знаю, что там не концерт для выпускников, а такой же политический митинг, только вместо революционеров и офисного планктона туда согнали бюджетников и активистов молодежных пропрезидентских организаций Волков-югента.

– Нет спасибо, – ответил Сашка, – я уже на другом концерте нахожусь. Сейчас будет прима балерина выступать кажется.

– На каком концерте? Что за прима балерина?

– Я на митинге в Гостином Дворе. Сейчас Завальный будет выступать...

– Я поняла, – сказала она упавшим голосом. В трубке пошли гудки.

Концерт, – подумал Сашка, – она меня совсем за кретина держит. Да еще думает, что я, получив аттестат, продолжу бегать по ее первому зову. Как же порой глупы бывают эти учительницы.

Сашке не особо везло на учителей. Например, одна из них преподавала математику и была его классным руководителем два с половиной года. А по совместительству исповедовала коммунизм еще с момента бурной молодости. А было это без малого почти пятьдесят лет назад. Так что идеи мировой коммунистической революции были упакованы в ее затуманенное сознание без возможности удаления. Не оста-

навливало ее даже то, что в старые времена учительница едва сводила концы с концами и пару раз чуть не протянула копыта от голода. Но в тот исторический период все остальные тоже находились в подобном положении, а после смены власти ситуация модифицировалась. Появились люди, которым жилось значительно лучше. А этот факт в мозгах пенсионерки, разжиженных пятью десятками лет коммунистической пропаганды, естественно не укладывался и даже не помещался. А наличие в классе ученика, который цитировал Гринспена² и Гейтса³, на любой идиотский вопрос отвечал одноклассникам «Кто такой Джон Голт?»⁴, подстегивало старческий маразм. Война престарелой коммунистки разворачивалось на поле математики с удвоенным усилием. Сашку вызывали к доске чаще остальных, а он выдавал вполне неплохие ответы, за которые любой другой ученик давно бы получил свое «отлично» и счастливый слился с серой толпой класса. Но не в этом случае. Сашка был для старухи как красная тряпка для быка. От столкновений летели в разные сто-

---

² Алан Гринспен – американский экономист. Председатель Совета управляющих Федеральной Резервной системы США. Активный сторонник свободного капитализма.

³ Билл Гейтс – если вы не знаете, кто это такой, то зачем вы вообще читаете эту книгу?

⁴ Джон Голт – персонаж романа Айн Рэнд «Атлант расправил плечи». Человек организовавший забастовку людей, двигавших прогресс человечества, против засилья серости и бюрократии. «Кто такой Джон Голт?» – вопрос, который рефреном звучит в романе и задается в качестве ответа на любой вопрос, на который толкового ответа нет.

роны искры и крики. Старая стерва могла бы сломать жизнь парню и заложить в нем глубокую ненависть к математике. Но вмешался случай. Нельзя наверняка сказать кому повезло больше – ненавистному предмету или же самому Сашке. Где-то в середине седьмого класса пожилая коммунистка ломанулась на митинг по случаю очередного отмененного новой властью коммунистического праздника, на котором пришлось пережить романтическую встречу ее черепашки с тяжелым железным ломом. Рандеву привело к раскрытию головы и разливаним небольшого количества серого вещества на без того грязный асфальт. Все дальнейшее происходило уже без нее, так как старая математичка, пролежав в реанимации сутки, скончалась в страшных корчах. В школе про нее забыли, как о кошмарном сне длиной в эпоху. Но им повезло. Так как исторические эпохи имеют обыкновение заканчиваться. Причем, порой, крайне неожиданно. Новая учительница была моложе в три раза, и значительно адекватнее. Так математика не стала для Сашки проклятьем и причиной разгромленной, подобно наполеоновской армии, нервной системы.

Окончание школы для Сашки не стало каким-то крупным событием. Большинство одноклассников было ему глубоко неинтересно. Так как класс населяли, в основном, середняки и аутсайдеры, на фоне которых Сашка выглядел достаточно неплохо. Благо, в силу неконфликтной натуры, сам он никогда не встречал в разные неприятности и держался в стороне

от любых разборок, которых было не особо много.

Сашка поднял голову – на большом экране появилось изображение со сцены. Мужчина высокого роста, крепкого, но стройного телосложения. Сашка не сразу узнал его, так как выражение пролетарского лица борца с коррупцией Завального было очень странным. Даже удивительным. Безумные глаза смотрели в толпу и, казалось, вообще не понимали ничего. Руки безвольно болтались по швам, словно герой-революционер вышел на расстрел, а не на бенефис во время собственноручно организованного митинга. Глаза Завального не выражали ровным счетом никаких эмоций и замыслов. Они были пусты, словно голова скинхеда. В них отсутствовали яркий порыв и искра. Тут он начал свою речь, и для многих присутствовавших его голос вызвал тотальный шок. В нем тоже не было искры. Завальный говорил с такой интонацией, словно перед выходом на сцену он выписался из психиатрического санатория, в котором его месяц пичкали психотропными препаратами, а на обед подавали суп с псилоцибиновыми грибами и димедролом. И в довершении этого коктейля, сам Завальный, перед выходом на сцену залил в себя минимум литр крепкого горячительного. Желательно поддельного из соседнего гаража.

– Мы не позволим себя обманывать больше. Нам не нужна такая власть, мы их не выбирали, – выкрикивал Завальный на всю площадь.

– Мы их не выбирали, – совершенно синхронно подхва-

тывали люди в толпе.

Ну и упырь, – подумал Сашка, – и этот человек хочет скинуть нашу власть? Он же явно под веществами на сцену вышел. И чего он добивается... Над ним же целой армии стилистов работать надо. Он выглядит так, словно вчера из подсохи вылез.

– Жулики и воры думают, что они власть, – орал Завальный, – но это не та-а-а-к, – момент произнесения окончания этой фразы был награжден самым настоящим гроулом, которому бы позавидовала любая скандинавская группа играющая металл.

– Скажите, – с еще более рокерским напором визжал Завальный, – кто здесь власть? Мы здесь власть! – в тот момент казалось, что еще немного и глазные яблоки сумасшедшего интернет-деятеля выскочат из орбит и будут порваны на сувенирчики. Происходившее определенно напугало многих. Те, кто шли за этим человеком по призыву из всемирной сети были всерьез удивлены. Ведь их предводителем, писавшим столь яркие статьи на своем сайте, казавшимся в общении по сети человеком умным, внешне оказался странным и даже страшным. Все эти люди панически боялись возвращения назад, в Старые времена. А этот психопат на сцене словно возвращал их туда. Как и сто лет назад, когда слово дали лысому и юродивому коротышке с амбициями всемирного господства. Все помнили чем это закончилось. По этой причине часть митинговавших медленно и решительно развора-

чивалась и уходила прочь с этой безумной вакханалии. Общественные деятели, выступавшие до Завального, на разогреве, так сказать, оказались на поверку гораздо адекватнее. Сашка видел, как уходившая с митинга дама говорила своему спутнику:

– Даже Анька Собакина, которую все освистывали, как последние кретины, говорила более дельные вещи. Противно тут находиться после такого безумия. Как мы вообще могли пойти на это сумасшествие. Я жалею, что потратила свое время. Лучше бы за город поехали.

Сашка глядел Даме вслед и был полностью с ней согласен. Анна Собакина считалась светской львицей. Ее отец много лет назад был мэром одного крупного города на север от Озерска. Но потом потерял власть, а вскоре и вовсе умер. Анатолий Собакин был человеком, который в свое время продвинул во власть нынешнего президента Волкова. А теперь его дочь выступала на митинге против него. На сей счет ходило много шуток, а сама Анна отмечала:

– Моему отцу всегда не хватало подозрительности. Он слишком верил людям. Так было с его первым заместителем, который потом пошел в мэры и скинул его. Так и с нашим нынешним президентом. Не знаю почему, но к моему отцу всегда липло всякое дерьмо.

А на сцене продолжал надрываться Завальный. Число верных слушателей продолжало неумолимо сокращаться.

– Нас здесь очень много. И мы можем прямо сейчас пойти

и взять штурмом дом правительства на Площади Мира!

По спине у Сашки пробежал холодок. Шествие толпы, под предводительством упыря, нажравшегося в психушке грибочков, не входило в его планы. Кроме того – как только бы эти люди вышли на Пригаринский проспект в сторону центра – их бы сразу перестреляли. Сашка задумался о пути отхода – шут с ними с гостями родителей, надо самому ноги уносить.

– Да! – вторила толпа на призыв Завального. Тут Сашка подумал, что сегодня утром грибочков поел не только сумасшедший оппозиционер.

– Но у нас мирный митинг, – продолжил оратор своим дрожащим и нервным голосом, – мы не будем прибегать к насилию. Но мы не станем этого делать пока, а начнем действовать в рамках закона, который эти воры и взяточники установили. Но они сами их не соблюдают! Вы думаете, по своей воле сегодня согнали на митинг всех бюджетников на Дятловой горе? Они делают из своей паники самое настоящее посмешище!

Толпа взорвалась аплодисментами и возгласами поддержки Завального. Сашка же выдохнул – необходимость срочно lining с политического сблища пропала. Но найти друзей родителей он так и не смог. В этот момент его спас мобильный телефон – звонила мать:

– Алло, – сказал Сашка в трубку. Мама порадовала его тем, что она сама установила их место пребывания и сей-

час друзья по своей воле покинут сей фееричный праздник и вместо визита Дома Правительства поедут в Орешниково на штурм большого цыпленка табака.

Сашкина мама всегда славилась отличной кухней. В связи с этим любой семейный праздник превращался в огромное пиршество, но которое собирались многочисленные друзья и родственники. В числе последних Сашка постоянно отмечал отсутствие высоких и темноволосых. Все семейство по линии матери было невысоким и пухленьким. А все родственники отца были огненно-рыжими и низкорослыми. Мама отмечала, что Сашке повезло, что он не пошел в их породу. А рыжие родственники по линии отца смотрели на него с плохо скрываемой завистью. Все они тоже не отличались высоким ростом, а от рыжеконопатости сильно расстраивались.

Сашка сложил телефон и убрал его в карман. Он задумался над тем, какой следует выбрать маршрут следования домой. Метро на Гостином наверняка закрыли из-за наплыва людской массы. Оставался вариант дойти пешком до «Спортивной» или «Валдайской». Это минут пятнадцать-двадцать, зато в том месте без проблем можно пересечь на любую из трех линий.

Пройдя метров двести через толпу Сашка заметил, что за ним след в след идут двое людей в темных костюмах. Они немного напоминали охранников своим нарядом. Но потом Сашка подумал, что у них есть что-то общее с агентом Смитом из «Матрицы». Совсем безразлично.

Сашка на ходу призадумался, – кому он сдался? В конце концов, спецслужбам что ли некого больше ловить по грязным подворотням? Их волнует какой-то вчерашний школьник, еще не поступивший в университет и слоняющийся по подобным политическим недомитингам? Нет. Потому что это бред. А если это так, то они не из спецслужб. А откуда тогда, черт возьми? Просто бандиты? Решили похитить его и продать на органы? Да кому они нужны – куча хронических диагнозов и недолеченный гастрит. Все это придавало слежке долю изящества и нездорового черного юмора.

Сашка прибавил шаг, чтобы проверить и начал петлять по толпе, чтобы проследить за действиями двух странных лиц, его преследовавших. К его ужасу они повторили маршрут.

Святые угодники, – думал Сашка, – я же не крал секретные документы, не убил президентскую левретку (но у него нет и никогда не было собаки) и не спал с дочкой мэра города (хотя она очень даже ничего конфетка, благо ровесница). За что?

Сашка сорвался на бег. Двое последовали его примеру. В голове у парня пронеслись сумбурные мысли – он выскочил из толпы в переулок, быстро спустился в подземный переход и бросился наутек – насколько позволяли ноги. Агенты Смиты тоже втопили за ним так, словно на кону была золотая олимпийская медаль или расстрел в качестве альтернативы. А впереди была длинная лестница из перехода, которая в два пролета поднималась на улицу Яблочкова. И от перехода до

спасительного входа в метро нужно было бежать больше километра. А физической подготовке Сашке часто не хватало – он мог на короткой дистанции пробежать быстрее всех. А на большом расстоянии быстро выдыхался, не умел рационально распределять свои силы.

Лестница из перехода далась с очень большим трудом – это сказалось на расстоянии от преследователей. Агенты Смиты нагоняли Сашку, а он, словно загнанный на охоте заяц, терял силы.

Вокруг перехода не было ни души – в субботу коммерческий центр города словно вымирал – все прятались по загородным резиденциям. Так что звать на помощь было попросту бессмысленно и глупо. Сашка решил прибегнуть к хитрости. Вместо следования прямым путем по Яблочкова он резко обогнул балюстраду перехода пробежал сто метров до угла улицы и спустился в тот же переход, но с другой стороны, и побежал по перпендикулярному пути в обратную от метро сторону. Можно добежать до «Карельской», – думал Сашка, – там дворы такие, что черт ногу сломит, ровесники городу. А он отлично знал все эти места.

Но Агенты Смиты оказались не глупее. Вскоре Сашка заметил, что его преследует синий «форд». Решив повернуть в переулок, он сделал резкое движение и тут же оказался в чьих-то худощавых руках.

Сашка поднял голову и обомлел. Он налетел на Марата Сулянина, собственной персоной. Мэр города Озерска был

человеком незаметным. Стройный и сухопарый, словно палка финского сервелата, выходец из какой-то северной народности, о существовании которой вспоминали только, когда видели градоначальника. Сулянин пришел к власти около двух лет назад. Было очевидно, что его появление в городе связано с особой программой правящей партии и президента. Будучи грамотным исполнителем и руководителем Сулянин навел в городе порядок, разобрался с метростроем, квартплатами и прочими неприятностями, оставшимися от прошлого городского хозяина жизни. Но были и перегибы. Под нож полетело множество льгот, которыми вскармливалась огромная толпа обездоленных и слабоумных. Их удаляли постепенно. Очень скоро все льготники осознали, как круто их надули. Все льготы растворились в предвыборных обещаниях. Но на демонстрации почему-то не вышли. Скорее всего, из-за срыва поставок новых инвалидных колясок. Или снятия пандусов в домах престарелых инвалидов.

Помимо этого команда мэра представляла собой выставку достижения национальной толерантности. При том, что все они были опытными трудягами в своих сферах, подбирали их исходя из национальной принадлежности. Причем чем экзотичнее национальность, тем ближе к мэру. Так строительством заправлял татарин, образованием – еврей (ходила даже шутка что в школах прекратят учиться по субботам, дабы отмечать шабат), социальная сфера – уйгурка, здравоохранение – вепс, силовые структуры – чеченец. Увидеть в

этой очаровательной компании хотя бы одно лицо славянской национальности было очень сложно. Но возможно. Одним из вице-мэров стала красавица-гуцулка с говорящей фамилией Студень.

Только ленивый не прохаживался шуткой насчет того, что команда мэра стала следствием сумасшедшей толерантности. Особые остряки отмечали, что если прошлый мэр на большие праздники приказывал разгонять тучи самолетами, то новый будет это делать по заветам предков – при помощи ритуалов и шаманского бубна. Кстати, этот самый бубен у Сулянина имелся и висел в кабинете на самом видном месте. Причем он был куплен как раз в ответ на эту злую шутку в одной из городских газет.

Марат Сулянин смотрел на Сашку своими мутными, но добрыми глазами:

– Александр, куда вы так торопитесь?

– А откуда вы знаете мое имя? – испугался Сашка. Кто он, в конце концов, такой, чтобы мэр десятиmillionного города обращался к нему по имени.

– Нам с тобой предстоит очень серьезный разговор, – ответил ему мэр, – и не здесь.

– А где.

– Поехали, – кивнул Сулянин на черный автомобиль, стоявший неподалеку, – с тобой хотя побеседовать.

– Нас посадят?

Сулянин рассмеялся:

– Разве что за стол переговоров.

– Мама мне не разрешала садиться в машину к незнакомцам.

– А про мэра города она тебе что-нибудь говорила?

– Нет. Она говорила, что только буйно помешанный мог назначить на этот пост человека, который не знает чего хочет.

Сулянин промолчал, а потом сказал осторожно:

– Молодой человек, вам что-нибудь о субординации известно? Перед вами высокопоста...

– Ой, – отмахнулся Сашка, – если вам от меня что-то нужно придется терпеть. Я вот уже третий год вам думал подарок послать.

– Какой, – строго спросил Сулянин.

– Трудовой кодекс. И к нему – руководство по пользованию персональным компьютером. Потому что заставлять сотрудников готовить очередное утреннее заседание в пять десять вечера в высшей степени глупо. При условии, что по бумагам рабочий день заканчивается в семнадцать ноль-ноль.

– Но без этого мы бы не восстановили бы...

– Друг Марат, – фамильярно отозвался Сашка. Сзади появились агенты Смиты, они тяжело дышали, – вы же не просто так послали за мной этих двух горилл. Поэтому давайте по делу. Куда едем?

– Ты себе и представить не можешь, – расслабился Сулянин, – а про трудовой кодекс мы с тобой потом поговорим.

Тебе нравится Адриано Челентано?

– Ты думаешь обо мне и мир изменяется? – улыбнулся Сашка, – это точно не про вас. Вы слишком мало думаете, – закончил он и закрыл за собой дверь.

Черный автомобиль выехал из переулка и отправился по заранее намеченному маршруту. А где-то продолжала плакать маленькая девочка...

2. Деньги

*Я не боюсь последствий и не верю в Бога
Я верю в конкретный момент, я помогаю ей, а
вокруг стервятники*

*Где ты был, когда наш отец умер, Я же остался
и оплатил все счета*

*А она вытпала всю боль, так как всегда была
беспомощна.*

*Причина старения не найдена, но ее лучше и
не знать*

*Наша семья всегда была разбита, может
стоит сейчас объединиться?*

Но запах денег, вы все сошли с ума от денег...
Current Music – Maria Mena – Money

Высотный дом-особняк гордо поднимался вокруг небольших строений центра Озёрска. С высоты птичьего полета дом на улице Капицы напоминал математический знак интеграла. Это величественное строение для состоятельных граждан сооружали с особой тщательностью. Так как знали – здесь будет жить президент Большой страны. И никакой голос разума тут уже не включить – все, подобно хомячкам, что молятся на священный кусок сублимированных зерновых, бросились на постройку здания, как на строительство Вавилонской башни. Стоит заметить, что карающая рука Господа строителей не настигла – у них получился роскошный соро-

каэтажный монстр с зимними садами, подземной парковкой и Храмом служения Господу на последнем этаже. Так что, он тоже остался в выигрыше и потому осознавал всю бесперспективность разрушения этого объекта. Жители же города получили в качестве дополнения к уже привычному пейзажу крайне неоднозначного соседа. Но к нему все вскоре тоже привыкли, так как в Озёрске любили все необычное.

Квартиры многоэтажного монстра были спроектированы на несколько этажей. В некоторых из них требовалось до двадцати минут, чтобы пройти из одного угла квартиры в другой. Все эти апартаменты а-ля особняк располагались в верхнем ярусе здания и занимали по три-четыре этажа. Состоятельные владельцы умудрялись втиснуть на эту площадь помимо огромных видовых спален, комнаты для прислуги, огромные кухни, залы с бассейном, двухсветные столовые, тренажерный зал и даже студию звукозаписи (в этом доме поселилась известная поп-певица, которая предпочитала работать дома).

Но вершиной всего этого, разумеется, были апартаменты Президента страны Дмитрия Волкова. Десять лет назад, когда строился дом, никто и не думал, что его два срока могут когда-нибудь закончиться. Причем вся показная пропаганда активно штамповала изображения счастливых, благо, не плачущих бабушек, демонстрирующих активное соперничество и поддержку действий Волкова.

Дмитрий пришел к власти в достаточно сложное время

– цены постоянно менялись, экономика пребывала в состоянии перманентной агонии, переходящей в клиническую смерть. А Большая страна так и грозилась расколоться на кучу небольших. Еще неизвестно не кончилось бы это чем-то лучшим. Потому что, к примеру, южные народы имели счастливую возможность обзавестись своей независимостью и, по примеру африканских братьев, для которых первобытный строй еще не завершился, бесценный шанс залезть обратно под пальму и лет через тридцать быть проданными за долги кому-нибудь из более богатых и цивилизованных соседей.

Волкову предстояло собрать в кучу все это сборище бездельников, жуликов, бандитов и убийц, загнать их в рамки, указать светлый путь. После этого в южные регионы потекли потоки денег на развитие образования, здравоохранения, культуры, искусства, музыки... В общем всего того, что у этих дикарей до сих пор отсутствовало или пребывало в статусе эмбриона. Или того хуже, в перспективном проекте эволюции на ближайшую тысячу лет. В результате все южные народы активно радовали президента почти стопроцентными результатами на выборах и иногда привозили на большой концерт парочку своих певцов, творчество которых повергало нормальных людей в леденящий душу ужас.

Волкову повезло – в период его правления в Стране воцарилась стабильность, курсы валют прекратили скакать словно выпускники музыкального реалити-шоу, а цены на полез-

ные ископаемые держались на высоком уровне. Все это в совокупности факторов приносило счастье как самому президенту, так и его народу. Который, может и не выбирал его, но не чувствовал себя совсем обделенным и нищим, как это было в страшные времена до пришествия Дмитрия Волкова к власти.

На публике Президент держался по естественному строго и легко. Вся страна с упоением смотрела на его умиляющие обеды в кругу сплоченной семьи. Супруге президента Полине можно было позавидовать – стройная и красивая брюнетка с длинными волосами, всегда изысканно собранными. Наряды от лучших модельеров, стиль на все сто баллов из ста. На нее равнялись многие женщины под сорок. И все это – без каких-либо пластических операций. Но главным козырем было совсем не это. Полина Волкова ворвалась в политическую жизнь Страны уже состоятельной бизнес-леди. Пока муж делал политическую карьеру и зарабатывал сущие гроши, жена шила костюмы богатым клиентам и ее дом мод был достаточно известен. Считая, что фамилия мужа звучит слишком простецки, она назвала свой дом мод – Паулина Вульф. Под этим именем ее и знали по всей стране и в большинстве европейских стран.

Но уж в чём-то им и должно было не сvezти. Природа сполна отдохнула на их сыне. У двух стильных людей, вырос сын Максим. Он никогда не расстраивал родителей, всегда поддавался их требованиям, не создавал проблем. Подумае-

те – идеальный сын? Наверное. У Максима никогда не было своего мнения, он не знал, что такое материнские ласки. Пока мама делала деньги, ребенка воспитывала нянечка Регина, близкая подруга бабушки Максима. Так он и вырос – безвольным, хозяйственным и неожиданно религиозным, хотя в дальнейшем этот предрассудок он победил. На многочисленные мелкие недостатки сына родители внимания не обращали. Так как был один существенный. Максим не пошел внешне в родителей. Можно подумать, что он скорее являлся родственником Регины. Невысокого роста, огненно-рыжий, с пухлым носом картошкой и немного склонный к полноте, с мягкой кожей. В общем – он совсем не напоминал внешне стройного Волкова или модельера Паулину Вульф. Родители отшучивались, а Дмитрий постоянно напоминал, что у него в роду бабушка была рыжей, так что генетика просто пошутила. Кроме того, они настолько привыкли к своему неказистому сыну, что смирились с этим и не замечали. Максиму это, разумеется, не добавляло жизненных радостей. Он рос одиночкой и бабушкиным внуком. Друзей не было, все время пропадал в своей комнате и играл на компьютере в свободное от уроков и репетитора по английскому языку время. Самым заветным желанием Максима было домашнее животное. Но заводить его в огромной и дорогой квартире не разрешалось. Полина терпеть не могла кошек, а Дмитрий – собак. Вот и не было никакой живности в президентской квартире.

Утро сына президента в летний период всегда начиналось одинаково. Он просыпался в девять утра, приводил себя в порядок, после чего садился за компьютер. Регина приносила любимому внуку завтрак и тот кормился не отходя от монитора. Июньские выходные позволяли Максиму сидеть и играть без ограничений – все экзамены он сдал, выпускной отгулял и теперь ждал получения сертификатов для подачи документов в университет. Отец уже давно запланировал для сына юридический факультет, чтобы тот пошел по стопам отца. Но это было не совсем возможно. Так как короткие и широкие ступни Максима просто бы не поместились в отпечаток узкой и длинной ноги Президента. Мало таких семей, где отец носит обувь на четыре размера больше чем взрослый сын. 45-му размеру Дмитрия Волкова с трудом противостоял 41-й размер Максима. Так что если бы по этим следам сынуля и отправился, то просто растоптал бы их. Кроме того, в глубине души, Максим позволял себе страшное преступление. Он очень хотел поступить на экологический факультет. Но молчал об этом. Волков терпеть не мог «зеленых», всегда говорил о них в уничижительном ключе. Так что сына-эколога, сильный волевой характер Дмитрия не позволил бы.

Максим открыл свои закладки, чтобы проверить новости. Все новостные сайты пестрели заголовками о проходящих в городе митингах. За ними остался совсем незамеченным небольшой материал об аресте активистки зеленого движе-

ния «Лес» Татьяны Туполевой. Уже третий год ее объединение боролось с властями, протестуя против прокладки новой скоростной трассы на север через мякурский и евсеевский леса. Зеленые не прислушивались к тому, что скоростная трасса вдохнула бы новую жизнь в медленно загибающийся отсталый Север. К сожалению, защитники природы чаще заботятся о зайчиках и улитках, нежели о живых людях. Туполева руководила пикетами и набирала свои очки. Прокуратура же, очень неожиданно, нашла у Танечки... Мячик. Резиновый. А внутри – два килограмма отборного колумбийского кокаина. Следователи не стали разбираться в каких целях Туполева собиралась использовать годовой запас белого счастья. А то вдруг – для лечения больных гондурасских шиншилл или в качестве гуманитарной помощи голландской клинике для сирот-наркоманов. Туполева угодила в тюрьму, а ее арест затерялся среди репортажей с митинга оппозиции. Вдруг прервалось соединение. Максим полез под стол проверять кабель. Он был на месте.

– Масечка, – спросила его вошедшая с подносом Регина и увидавшая только его голые пятки, торчавшие из под стола, – что у тебя случилось?

– Интернет отключился, – раздалось оттуда, – кабель на месте.

Регина поставила поднос на стол:

– Может быть у них авария. Я слышала внизу что-то сверлят. Временно отключили.

– Наверное, – ответил Максим и набрал номер технической службы. Там ему и сообщили, что интернета не будет ближайшие два часа. Максим расправился с завтраком, после чего, прихватил с полки книгу и пошел в гостиную. Там он растянулся на диване, положив ноги на журнальный столик, включил телевизор и стал читать, поглядывая на экран. Телевизор продолжал показывать очередную форматную чушь. Максима это страшно раздражало. Чаще всего он смотрел зарубежные фильмы и сериалы, потому что отечественные производили крайне удручающее впечатление. При этом, любой из западных сериалов, который пользовался сумасшедшим спросом у всех приятелей по интернету и одноклассников в эфир родных телеканалов не шел. Максим знал, что большинство телевизионных чиновников заявляло на полном серьезе, что отечественный продукт значительно качественнее и пользуется намного большим спросом. В результате делалась очередная жутчайшая адаптация успешного сериала, которая с треском проваливалась. Как правило, на сей провал следовала реакция из разряда – сценарий был слабый. На Западе очень плохие сценаристы. Иногда, Максиму даже хотелось учинить жестокую пытку для телевизионщиков – запереть их в комнате с телевизором и заставить неделю смотреть продукцию друг друга без возможности выключить. Или организовать программу в формате реалити-шоу, где десяток запертых в доме сценаристов будут писать форматный сценарий судебного шоу. И само собой,

частью такого зрелища будут сами эпизоды этой программы. Но проблема состояла в том, что чиновники от телевидения и продюсеры были уверены, что внутренняя кухня телевидения рядовому зрителю неинтересна. Это не являлось следствием исследований. Они просто это знали. Как и многие другие положения своего всемогущего и разжижающего мозги телевизионного формата.

За этими размышлениями Максима застала Полина. В силу своего природного чувства вкуса, ее взгляд мигом споткнулся о сына, который сидел на кожаном диване в пижаме, с бардаком на голове, положив правую ногу на журнальный столик, левая была под столом, тоже вытянута. В изысканной обстановке президентской гостиной неказистый сынуня смотрелся как вставной деревянный зуб.

– Максим, – холодно сказала Полина, – может ты оденешься нормально, прежде чем выйти в гостиную?

– Полина, – Максим нарочито подчеркнул это, он никогда не называл ее мамой, – а что я сейчас делаю не так?

– А ты не видишь? – она взяла пульт и выключила телевизор.

– Нет, – ответил Максим.

– Посмотри на себя со стороны! Чипсов и пива добавить – и получится настоящее быдло с окраины у телевизора.

– Неплохая идея, – отметил Максим, – насчет пива. У вас есть что-нибудь крестьянское в холодильнике? Или опять сплошной «Гролш» да «Будвайзер»?

– Максим! Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Ты не соответствуешь своему статусу.

– А зачем мне ему соответствовать сейчас? На все официальные мероприятия я одеваюсь так, как вы требуете. Но всегда? Или у нас засада телевизионщиков, которые делают реалити-шоу о семье президента? Так пусть папочка их посадит в тюрьму за неуплату налогов.

– Ты не понимаешь меня. Тебе нужно всегда соответствовать этому статусу! Ты же Сын президента страны.

– Хорошо, хорошо, – Максим лениво одел свои шлепанцы для душа (которые на самом деле выглядели ужасно поплебейски) и взял книгу, – сейчас переоденусь.

Полина элегантно опустилась в кресло и достала свои бумаги. Она планировала поработать в спокойной обстановке. Присутствие сына ей мешало. Но, по правде говоря, ее очень пугало, что иногда сынок выдавал совершенно жуткие вещи, свойственные представителю низшего социального класса. Додуматься в пижаме выпереться в гостиную... У Полины такое в голове не укладывалось. Но она пожинала собственные плоды того, что никогда сыном не интересовалась и не занималась.

Максим лениво поднялся с дивана и прошелся по комнате, окидывая кожаных мебельных монстров небрежным взглядом. Вся эта роскошь уже давно раздражала его своей идеальностью и четкостью. Мать никогда не терпела безвкусицы – и потому президентская гостиная заслуживала места

в модном журнале. И по этой же причине туда не попадала – простым смертным, которых сгоняют на Дятлову гору, совершенно необязательно это видеть. К тому же, отсутствие у них высокого вкуса, не позволит им всецело насладиться этим полигоном изысканности. Максим же от этой чистоты устал. Порой ему хотелось оказаться в каком-нибудь крайне простом интерьере, пусть даже старомодном, или того хуже – ультрасовременном, в скандинавском стиле.

Максим думал, что в таком месте ему будет спокойнее и комфортнее. В этой квартире он никогда не ощущал себя дома. Ему все время казалось, что за ним следят многочисленные камеры, а он сам – персонаж телесериала. Еще шаг – и заиграет тревожная музыка. Неверное слово – и раздастся закадровый смех. Сыну президента нельзя говорить неправильные слова. Это совсем нехорошо.

Полина продолжала полулежать в кресле равнодушно листая каталог тканей. Передвижения сына ее уже интересовали мало, она считала его вполне самостоятельным. Сейчас переоденется и все вообще будет замечательно. Гораздо больше ее беспокоили оставленные в офисе подчиненные, которые постоянно норовили сделать что-либо не так. При этом Полина понимала: ни один из ее сотрудников не в состоянии придумать модель, которая будет пользоваться успехом. Потому что они могут только исполнять приказы. А думать они не умеют. Стоп. Они не имеют права думать. Эта роскошь позволительна только хозяйке. Нет, Хозяйке. И это

же так просто и логично. Одна она знает, что будет успешно. Просто потому, что она который год ставит всех перед этим фактом, не спрашивая никакого мнения. Против Жены Президента никто и никогда не попрет. Она гениальна и невинна по определению.

Максим откинул бордовые гардины, которые с мягким скрипом отклонились в сторону – в комнату проникли лучи солнца, быстро побежавшие ручейком по отделанному дорогим итальянским паркетом полу и остановились у противоположной стены, играя солнечными зайчиками.

– Я смотрю, – сказал Максим, посмотрев в окно, – патриарх приехал домой на сверхновой модели «Бентли». Она вроде стоит почти сорок миллионов.

– Сорок семь, – равнодушно сказала Полина, – он всегда покупает все самое новое и лучшее. Сложно заниматься спасением душ и отпущением грехов, если не соблюдать банальных законов моды.

– И как он успевает только?

– И не надо успевать, я слышала третьего дня он отпустил грехи владельцу автосалона. Он вроде бы убил свою шестую жену и хотел взять седьмую. Ты же знаешь, у них с их темными порядками не разберешься. Религия разрешает иметь семь жен – значит мы не имеем права запретить. На его счастье наша церковь не держится за тайну исповеди...

– А разве наша церковь разрешает полигамию?

– Наша – нет. Но он принял ислам, чтобы разрешили. А

сам при этом остался православным, за приличную мзду, разумеется... Ты переодеваться идешь или нет?

– Иду...

Максим отпустил гардину, и она мягко спустилась на свое место, а солнечные лучики на противоположной стене медленно растаяли, словно горстка первых снежинок в теплой руке.

Войдя в комнату, он уже забыл зачем пришел. Максим бросил книгу на стол и стал рассматривать в окно пейзаж излучины реки и город, который террасами поднимался вверх. Вспомнив, что Полина потребовала переодевания Максим открыл шкаф – вот тут он определенно оказался в тупике. Для решения проблемы он предпочел прибегнуть к запрещенному методу. Максим взял телефон и набрал номер своей маленькой тайны. В этот момент Она сидела в ванной, наполненной водой с солью и играла с пеной. Но телефон взяла:

– Даааа, – многозначительно произнесла Она, – здравствуй, а я очень рада тебя слышать.

– Я тоже, – ласково пропел Максим, – а у меня к тебе дело.

– Большое-большое?

– Очень. Полина потребовала, чтобы я переоделся. А я не знаю, что одеть и как правильно сочетать. Вот скажи мне честно...

– Честно не могу, ты же знаешь. К тому же я в ванной.

– Очень романтично. И все-таки. Ты считаешь плебей-

ством смотреть телевизор в пижаме?

– Эм... Это смотря что ты смотришь...

– Совершенно неважно. Просто, смотришь что-то.

– Хм, – задумалась Она, – знаешь, мне как-то пофиг.

Хотя замечу, с вашей ультрасовременной гостиной, которая больше напоминает музей мебельного искусства, я бы тоже взъелась, увидев тебя в пижаме. Но был бы риск...

– Какой, – романтично спросил Максим.

– Я бы тебя изнасиловала! Прямо на кожаном диване Паулины Вульф.

– Дорогая, давай ты мне поможешь одеться, чтобы Вульф не рычала словно волчица!

– Значит так...

Девушка досконально знала весь гардероб своего парня и потому без труда проинструктировала его, что именно следует надеть, чтобы модельер и мама по совместительству была очень довольны. И не страшно, что помощь в организации одевания устроила девушка Максима, о существовании которой родители не подозревали в принципе. Хотя она тоже была из достаточно состоятельной и политически раскрученной семьи.

Вернувшись в гостиную при полном параде, Максим обнаружил, что мать уже ушла. Он отсутствовал всего десять минут. А Полина как правило могла разбираться в своих тканях по несколько часов. Удивившись, Максим ушел в комнату и стал проверять работу интернета.

Полина сидела в кресле напротив мужа, который только что рассказал ей нечто совершенно невероятное:

– В общих чертах, все выглядит именно так. Теперь эти странности нашли свое объяснение.

– Что ты собираешься со всем этим делать? – спросила его Полина.

– То, что должен, – ответил Дмитрий Волков, – нам надо наверстать упущенное.

– А куда ты собираешься деть этого, – махнула рукой жена президента на дверь.

– Никуда.

– Что? И как ты себе это представляешь. И самое главное, там же тоже имеются родители.

– Очень просто. Дом у нас большой, места хватит на всех. А о них не беспокойся, договоримся. Ты же знаешь, что мы умеем это делать.

– Делай что хочешь, – Полина легко поднялась из кресла и смерила его оценивающим взглядом, – я в этом не буду участвовать. Если помнишь, то до выборов я должна сдать мужскую коллекцию.

– Помню..., – пробормотал Волков, – я сам со всем справлюсь.

Полина развернулась и вышла из комнаты. Увидев Максима в переодетом состоянии, она просканировала его с ног до головы и бросила:

– Ты перепутал носки – они из разных коллекций, причем

один из них ты одел наизнанку. А в остальном, хорошая работа. Ты делаешь успехи.

Каталог тканей оказался у нее под мышкой, и модельер Паулина Вульф скрылась в своей комнате, чтобы навести марфет и отправиться на место работы. Как минимум потому, что мужскую коллекцию действительно следовало закончить и презентовать до выборов, и никто, кроме нее самой не смог бы все сделать именно так, как оно должно быть.

Максим стоял в гостиной и рассматривал носки. Он не различал их и не понимал, когда он одет наизнанку, а когда нет. Увидеть разницу было практически невозможно. Максим уже давно привык к отношению матери. Но, порой, каждая подобная сцена была его по живому. И он жалел, что его мать не стройная бизнес-кобыла, а какая-нибудь огненно-рыжая пухлая кухарка, работающая в бухгалтерии на заводе и все свободное время тратящая на дом и детей.

Регина смотрела с ужасом на парня, которого привел на кухню Сулянин.

– Регина, – предложите молодому человек обед, – сказал Марат, – он слишком много бегал сегодня по площади.

– Конечно, – сказала Регина, – а ты сам поесть не хочешь? Наташа ведь поздно сегодня вернется.

Наташа, или правильнее – Наталья Юрьевна Сулянина, являлась супругой мэра Озерска. Как и Полина, именно она тянула на себе почти все финансовое обеспечение семьи. Но Наталья Юрьевна не шила платья для знаменитостей, а

всего лишь производила лучшую в стране тротуарную плитку. Стоит заметить, что в Озерске, сразу после прихода к власти мужа, Наталья Юрьевна покрыла все тротуары центральной части Озерска своей плиткой. По этому поводу очень громко шумели газеты, но завершилось все ничем – плитку похвалила первая леди, а следом за ней и Президент. Правда после этого скандала, за Суляниным закрепилось клеймо – Муж плиткоукладчицы.

– Нет, – ответил Сулянин на предложение Регины, – мне сейчас надо с Димой поговорить, а потом мы пригласим на разговор молодого человека. Вы не против, Александр? У Регины просто сногшибательный борщ!

– А почему его тогда вы не хотите есть? Он с ядом? – съязвил Сашка.

– Ты хочешь знать слишком много, – ответил Сулянин и удалился.

– Александр, – официально сказала Регина, – вы не хотите вымыть руки?

– Оставьте формальности, – отрезал Сашка, – можно просто Саша.

– Хорошо. Саша, иди мой руки живо, – сменила Регина тон на игриво-бабушкин.

Вот, сразу бы так, – подумал Сашка, – а то строила из себя великосветскую даму. А по сути, как была милой бабушкой, так ею и осталась.

Оказавшись в небольшой уборной при кухне Сашка изу-

мился. В этом будуаре можно ночевать. Разобравшись со смесителем, он мыл руки и рассматривал свою физиономию в зеркало. Сашка еще ни разу не бывал в подобных домах и квартирах.

Сулянин привел его в квартиру через черный ход, как и просили. После чего сдал пленника Регине, а сам пошел на поклон к Волкову:

– Он здесь. Я оставил его с Региной, попросил накормить.

– Не убежит? – спросил Президент.

– Не думаю, – ответил Сулянин, – он заинтригован столь высоким вниманием к своей персоне. Пока не разберется что к чему – не сбежит. Кроме того, будь готов, там острый язык. Весь в маму пошел, кажется. Да еще и эти прибавили своего. Намучаешься с ним.

– Хорошо. Если он ест, значит минут пятнадцать-двадцать у нас в запасе. Рассказывай, как все на митингах было.

Сулянин присел и начал рассказ:

– Все прошло спокойно. Брать штурмом Дом Правительства они не пошли. Сказали, что у них мирный митинг.

Волков прыснул.

– Мирный... Господи, это так глупо и инфантильно, что даже смешно.

– Завальный выступал, – продолжил Сулянин, – я все видел и слышал. Это был просто кошмар. Все его лозунги мы уже слышали раньше из других уст. Но тогда это были политики с имиджем. А он выглядел так, словно вчера закончил

среднюю школу со справкой.

– Что ты имеешь в виду?

– А ты не смотрел телетрансляцию? – удивился Сулянин.

– Нет, – ответил Волков, – в машине не работал транслятор, пока я ехал с Дятловой горы домой. Рассказывай.

– Да что там говорить. Куча воплей и никакой конкретики. Если он тебя скидывать собрался с такими лозунгами, то мне его жалко. Ты же понимаешь – там собралась публика, которая привыкла слышать конструктивные предложения. А он, кроме того, что сказал, что мол – мы такие крутые, нас тут много и мы можем пойти и взять штурмом Дом Правительства, не выдал совершенно ничего. И наши люди видели, как многие с митинга уходить стали после его выступления. Шли раздраженные. Он же вопил там со сцены как последняя шпана из подворотни. Да еще и под градусом был, как мне показалось. Глаза совершенно нездоровые. Ужасное зрелище.

– Ты меня успокаиваешь?

– Дим, ты же меня знаешь, – недовольно ответил Сулянин, – успокаивает тебя твоя Кучка бездельников, которую ласково называют Кабинетом министров. Как ты их только собираешь вокруг себя? Половина сидит просто на зарплате и ничего не делает. А такие как Завальный кидаются их разоблачать и прут против тебя же. А я тебе всегда правду говорил.

– Оставь, знаю. После выборов многое изменится, вот

увидишь.

– А ты нашел решение проблемы с третьим сроком?

– Кажется да, нашел. Но об этом не будем сейчас. Надо наконец на ребенка посмотреть. Познакомиться...

– Кстати, он на тебя похож. Высокий, худой как спица.

– Ну так это понятно. Потому что маленький толстячок с рыжими волосами сейчас сидит в своей комнате и глазет в монитор. Что ты про родителей узнать смог?

– Там все чересчур обыкновенно. Мамаша – бухгалтер, папа – совладелец маленькой типографии.

– Активная жизненная позиция? На выборы ходили?

– Не хочу тебя расстраивать, но ты не их кандидат. Они правых взглядов. Капиталисты хреновы.

– Только этого мне не хватало... Но как-нибудь справлюсь. Ладно, иди за ним.

Сулянин вышел из кабинета, а Волков поднялся из-за стола и начал ходить из стороны в сторону. Президент терпеть не мог коммунистов, правда при этом, придерживался близких политических взглядов. Волков являлся социалистом, искренне считал, что только при помощи общих усилий можно добиться многого. Он отрицал роль одного человека, считая, что достичь всего можно только в команде. По этой же причине он сторонился идей тотального капитализма. А сейчас судьба подкинула ему неожиданный подарок, с которым придется считаться каждый момент. Хотя, может быть, у него все не настолько мрачно. Наверное, Ма-

рат сгущает краски, так как всегда предпочитал это делать. Он был по натуре пессимист. Вдруг там все не так уж и сложно. А если нет? Стоп. Решение проблем должно осуществляться по мере их поступления. В конце концов – любая жизненная философия без проблем трансформируется, особенно если этот процесс должным образом профинансировать и подтолкнуть. А там, глядишь, и остынут правые убеждения. И все будут счастливы, все кончится хорошо. Над героями воспарит белая голубка, неся в клюве что-нибудь крайне романтическое...

Сашка доедал суп, а Регина развлекала его разговорами:

– Тебе же есть 18?

– Нет, – мотнул Сашка головой, – в декабре будет 18.

– Да? А нашему Маське восемнадцать исполняется в декабре тоже. Какого числа?

– Восьмого, – ответил Сашка. Регина застыла.

– А ты в Озерске родился?

– Разумеется, – удивленно ответил Сашка, – а где же еще.

Лучший город на Земле.

– А я твоего отца не могла знать раньше?

– Не знаю. Но я на него не похож, – сказал Сашка, – он маленький, пухлый и рыжий. Я пошел в деда по материнской линии – он тоже был худой и высокий. А так у нас в породе все рыжеволосые и низкорослые, – Сашка смотрел куда-то за Регину, – вот такие как он. Точная копия моего двоюродного брата.

Сашка показывал на незаметно вошедшего в кухню Максима. Регина повернулась и обомлела.

– Привет! – сказал ему Сашка, – я твоего отца случайно не знаю?

Регина резко обернулась на него, потом обратно на Максима.

– Ты чего-то хочешь? – спросила она заботливо.

– Да, – ответил Максим, игнорируя Сашку, – дай мне морса из питанги.

Регина достала из холодильника стеклянный кувшин. Максим взял стакан и забрал у нее кувшин:

– Не хочу ходить туда-сюда.

Максим удалился.

– Господи, – развеселился Сашка, – понтов как у Сына президента, а носки наизнанку носит...

Регина смотрела на Сашку и ничего не понимала. Ей казалось, что либо это розыгрыш или просто дурной сон, в котором все происходит шиворот-навыворот.

– Саша, – тихо спросила она, – а ты вообще знаешь где находишься?

– Улица Капицы, 12, – сказал Сашка, не отвлекаясь от борща, – этаж не запомнил, но это квартира каких-то близких друзей мужа плиткоукладчицы.

Обрывок этой фразы слышал Сулянин, который вошел в помещение кухни и встал перед Сашкой в позе руки-в-боки:

– Молодой человек, между прочим, очень красивой плит-

коукладчицы.

– Да знаю, лучшая плитка в стране. Это во всех учебниках по краеведению написано. Что, нас готовы принять?

– Да, – ответил Сулянин, – а про плитку мы с тобой потом поговорим.

– Договорились, – Сашка обернулся к Регине, – спасибо за обед. Вы готовите не хуже моей мамы. А перед парнем тем извинитесь, пожалуйста. Мне правда показалось, что он как-то слишком сильно на папика моего похож, – а потом повернулся к Сулянину:

– Вам нравится Мария Мена?

– К чему вдруг этот вопрос?

– Ну вы же меня про Челентано спрашивали. Просто песня у нее есть поучительная, про деньги. О том, что люди от них с ума сошли.

– Пойдем же, потом, все разговоры об этом потом, обещаю, – Сулянин про себя понимал две вещи – что теперь этих разговоров ему не избежать, и что самое страшное, – ему было ужасно интересно побеседовать с этим молодым мятежником, который так напоминал одного его хорошего друга...

Сулянин и Сашка вышли из кухни, а Регина так и осталась стоять, переваривая происходящее. Она ничего не понимала. Но есть лучшее средство для выведения себя из ступора. Регина занялась мытьем посуды и очень скоро ее рассудок немного успокоился. Вскоре он уже был занят сочинением

ужина для семейства Волковых.

Сулянин открыл перед Сашкой дверь кабинета. Оба вошли. Волков развернулся в кресле и посмотрел на парня. Сашка застыл от неожиданности. На него смотрел президент страны.

– Добрый день, Александр, – сказал Волков.

– Здравствуйте, – выдавил из себя напуганный столь неожиданной встречей Сашка.

– Садись. Нам с тобой о многом нужно поговорить, – Волков указал ему на кресло, в которое тот сразу сел. Но странное ощущение не покидало Сашку. Ему казалось, что все происходящее напоминает какой-то безумный сон. Сашка задумался. Что может быть нужно Президенту страны от него:

– Я не знаю, право, – сказал Сашка, – все это очень странно и даже немножко подозрительно.

– Что ты имеешь в виду? – спросил его спокойным тоном Волков.

– Все это. Я далеко не отличник, школу закончил с тройками. Не самый примерный ученик. Ведь именно таких прилежных типов таскают на приемы к президентам и мэрам, – Сашка кивнул на Сулянина как на старого товарища. Тот виновато улыбнулся. Волков тоже неожиданно улыбнулся:

– Ну так я тебя попросил привезти сюда не поэтому...

– А, – Сашка нашел еще одно логичное объяснение всего этого бреда, – так это вы из-за митинга беспокоитесь? Я

туда случайно попал. Мне родительских друзей оттуда надо было вытащить. Они должны были ехать к нам на праздничный обед. А я сам с этой шушерой не вожусь. Один этот Завальный чего стоит, я сегодня слышал его выступление. Могу сказать честно, вы конечно тоже не сахар, но этот упырь...

Волков рассмеялся в голос:

– Да, Марат, ты был прав, – и продолжил громко хохотать.

– Я что-то не то сказал? – удивился обиженно Сашка.

– Нет, все то, – Волков силой старался себя успокоить, но его ужасно развеселила тирада молодого парня, – давай все-таки поближе к делу.

– Как?! Дело не в митинге?

– Нет, – серьезно сказал Волков, – не в нем. Дело в тебе.

– Во мне? – Сашка потерял нить логического объяснения всей ситуации. Он перестал понимать что-либо.

– Я должен тебе кое-что рассказать. Пожалуйста, выслушай меня и потом будешь задавать вопросы и отпускать комментарии. Договорились?

Сашка кивнул.

– Некоторое время назад мы всей семьей проходили медицинское обследование после поездки в Африку. Мы посещали одну страну, а по нашим правилам обязателен медосмотр после поездки. В числе прочего мы сдавали анализ крови. Когда я получал бумаги я обратил внимание на одну деталь и меня она очень удивила. Дело в том, что я увидел в медицинской карте сына, что у него третья группа крови. Я

может и юрист, но точно знаю, что существуют правила наследования группы крови, заложенные генетически. У меня первая группа крови. А у моей жены Полины – вторая. Из этого следовало, что, либо Полина, которой я всегда верил, родила Максима не от меня. Либо Максим попал к нам по ошибке.

Сашка выдохнул. У него сами по себе начали складываться детали этого паззла. Он вспомнил того парня на кухне, который показался ему похожим на его отца. Что же это получается такое? Даты рождения. У них даты рождения одинаковые!!!

– Мы начали расследование. Выяснили кто работал в родильном доме семнадцать лет назад. Сделали все необходимые анализы. Выяснилось, что Максим не мой сын. То же подтвердила экспертиза по данным моей жены. Мы узнали, что произошло восьмого декабря семнадцать лет назад. В родильном доме перепутали детей.

Потрясающе, – думал Сашка, – я уже знаю направление, в котором пойдет дальнейший разговор. Все ясно как божий день. И тут он начал смеяться. Совершенно непроизвольно.

– Погодите, – говорил он сквозь смех, – вы хотите меня убедить в том, что в моей жизни становится реальным сюжет большинства индийских фильмов? Что сейчас вы снимете парик, под которым будет родимое пятно, по которому станет ясно, что вы мой отец? Но ведь так бывает только в кино или телесериалах.

– К сожалению, это правда...

Люк, я твой отец, – вот что это напоминает, – думал Сашка. Почему сейчас? За что? И что ему теперь со всем этим безумием делать?

– Саша, ты мой сын, – сказал Волков, – ты настоящий Сын Президента.

Вот черт, – подумал Сашка, – такую классную цитату испортил.

– Я не знаю как мне на это реагировать, – ответил Сашка, – все это так неожиданно. А мои родители...

– Твои родители, – вставил свои пять копеек Сулянин – это Дмитрий и Полина Волковы.

– А тот рыжий парень, значит, настоящий сын моих родителей? Так тем более их надо об этом оповестить. Нет... Я не знаю как себя вести в этой ситуации. Броситься и картинно вас обнять. Пardon... Нет, конечно. Броситься и картинно обнять ТЕБЯ. Это слишком мелодраматично и глупо. Потому не буду, и не хочу. Что мне теперь делать с этим?

Повисла пауза, которую прервал своей репликой Сулянин:

– Начинать новую жизнь, Сашка. Я же говорил тебе, что у нас будет масса времени, чтобы поговорить.

– Сначала послушай альбом Марии Мены, – ответил Сашка.

А девочка в углу продолжала плакать навзрыд...

3. Наизнанку

*Приходи слушать пение птиц
Встречать золотое начало дня
Приходи слушать восход солнца
И шепот золотых лучей
Мы здесь, так как это самое лучшее
Время, проведенное вместе.
Нам не о чем жалеть.
Мы не живем прошлым.
Мы живем сейчас.*

Current Music – Margus Vaher ja Kesköö – Pahupidi

Сашка сидел в кабинете Волкова и ждал, когда Дмитрий вернется в свой кабинет. Перед тем как уйти он сказал вновь обретенному сыну:

– Я должен подготовить твоего... как бы это сказать.

– Брата? – удивился Сашка, – я его уже видел. Теперь мне понятно, почему он так мне напомнил моего отца... ну... человека который меня воспитал.

Сашка не знал, что ему теперь делать со своей жизнью. Кого называть отцом, как относиться к тем людям, которые его воспитали. По сути, они тоже оказывались жертвами жестоких обстоятельств. У него была шальная мысль сразу им позвонить. Но Сашка представить себе не мог ЧТО им говорить. Но самое странное было то, что мать не разыскивала его сама. Обычно, в подобной ситуации, Мать начинала

звонить ему на мобильный телефон каждые пять минут. А тут – с момента их разговора прошло три часа. Он три раза мог успеть добраться до дома. А телефон молчал. Спросить у Волкова что делать он опасался. Кроме того, ведь этот сын президента, который, в сущности, был ненастоящим, его же следовало вернуть в ту семью, из которой он был так безжалостно устранен. А если он не захочет? И получится, что его любимые родители останутся совсем одни, а у Президента будет два сына? Нет, это полный абсурд. Но из него надо как-то выбираться.

Дверь отворилась. В кабинете появился Волков, за ним совершенно безвольно шествовал Максим. Он посмотрел на Сашку безразличным взглядом. Волков проговорил:

– Максим, ты должен познакомиться с Александром.

– Мы уже знакомы, – проговорил Максим, – виделись на кухне.

Сашка решил включить всю доступную ему в тот момент дружелюбность. Постарался сделать выражение лица попроще и отключить все колкости, что крутились на его языке. Сашка постоянно повторял про себя – помни, по сути ты украл его родителей, а они милейшие люди, которых я очень люблю. Он встал с кресла, подошел к Максиму и протянул ему руку:

– Привет, брат, – сказал Сашка. Это не получилось у него дружелюбно, интонация голоса все равно выдавала напряжение и некоторую неловкость.

– Привет, – еще более сухо сказал Максим.

Сцена совершенно не походила на аналогичные действия из индийских фильмов, в которых все такие встречи завершались взаимными объятьями, криками, жестикуляцией, песнями и танцами. Далее братья переместились в комнату Максима, куда и решили поселить нового сына Президента. Там то Сашка и попытался ухватиться за спасительную соломинку – про себя он беспокоился за воспитавших его людей, так как очень любил их:

– А как же мои вещи? Компьютер, одежда, документы. И потом, – говорил Сашка, – я очень люблю их, и хотел бы увидеть.

– Саша, – ответил на это Волков, – мы уже беседовали с ними на сей счет, – он на секунду замаялся, – и пришли к обоюдному пониманию всей проблемы. Им тоже не нужна истерика в прессе. Если все рассказать как есть, они попадут под пристальнейшее внимание газетчиков. Любой неподготовленный человек в такой ситуации быстро тронется умом.

Худшее, что с журналистами там случится – их просто плотно и вкусно накормят, – про себя подумал Сашка, но сказал совершенно иное.

– И что?

– Мы будем вынуждены придумать тебе легенду, исправить кое какие документы. Чтобы все выглядело чисто.

– Что вы имеете в виду? – удивился Сашка, – я ничего не понимаю.

– Мы скажем всем, что нашли тебя в детском доме. За счет этого, нам не придется возвращать им Максима. В будущем, ты сможешь с ними увидеться. Но сейчас твое существование будет предано огласке и никакой осторожностью ты не спасешься от шумихи.

– Иными словами, мне придется сделать вид, что я детдомовский? А как же те, кто знает, что я их сын?

– Поверь, мы обо всем позаботимся. Ты не представляешь насколько сильна эта махина.

– Мне это противно, – ответил Сашка. Максим с удивлением наблюдал за поведением брата. Ему было совершенно незнакомо такое поведение. Сама его сущность протестовала против такого. Но тут, столкнувшись с этим нос к носу проникся уважением. Сашка вдруг захватил его своим мятежным духом. И это было только начало большой перестройки. В сущности, Максим был благодатной почвой, только Волков этого не понимал. В его голове можно посеять что угодно. И Сашке оставалось совсем немного до того, чтобы самому понять это. Сашка же пребывал в отвратительном расположении духа – его бесили интриги Волкова и идея с подлогом.

– Если ты любишь их, – Волков решил бить наверняка, – то придется пойти мне навстречу. Или ты хочешь, чтобы наши журналисты раздули вокруг них скандал?

– Какой скандал? Я не понимаю!

– А ты подумай. Уже на следующий день, после твое-

го представления широкой публике найдутся умники, которые поднимут на уши газеты заголовками вроде «Президент украл у несчастной семьи сына во второй раз». Тебе так хочется, чтобы твои любимые родители оказались в центре такого безумия? Я не думаю, что это может положительно сказаться на бизнесе твоего отца или работе твоей мамы.

Сашка всегда понимал слишком много и читать между строк тоже умел. Он осознал, что именно пытается ему сказать Волков. Он не беспокоился о тех людях. Он делал ситуацию наиболее простой для себя. Чтобы выглядеть чисто в глазах избирателей. Только какие, к черту, избиратели, если он досиживает свой второй срок и преемника еще не назвал. Тут что-то нечисто. В этом нужно разобраться. Этот прыщ не может удерживать его силой – скоро исполнится 18 и можно идти в свободное плавание. В котором не будет места этому чудовищу.

Сашка не отличался хорошим отношением к нынешней власти раньше. А сейчас она в нем только укрепилась. Понимая, что попытки разрулить ситуацию в свою пользу могут только навредить его настоящим родителям (а считать Волкова своим отцом он не желал), Сашка решил взять выжидательную паузу. А раз так – у него масса времени, для того, чтобы вывернуть жизнь этого ублюдка наизнанку. Так что, первой жертвой этого игрища станет Максим. Всё-таки, если Сашку вырастили сторонником либеральных ценностей, то что мешает испортить тем же настоящего сына.

В этом плане Максим оказался чрезвычайно простым объектом. Заметив, что братец много зависает за компьютером и играет, Сашка решил взять крепость с парадного входа:

– Ты мне позволишь проверить почту и аккаунт в социальной сети?

– Проверь, – ответил Максим, – интернет уже восстановили. А то он не работал утром.

И ты, разумеется, – думал Сашка, – не знал, чем себя занять всё утро. Он вводил свои данные и пароль, а сам поглядывал за Максимом. Который, на его удивление, не слонялся без дела, а достал Даррелла и стал читать.

– Как ты думаешь, – сказал Сашка, – папочка заставит меня удалить все старые аккаунты?

– Будь уверен, заставит, – сказал Максим, – он слишком хорошо разбирается во всех тонкостях в сети. Он же даже блог ведет, твиттер и фэйсбук. Все в наличии.

– А у тебя?

– У меня все это тоже есть.

– Добавишь? Хотя, что я спрашиваю, – мечтательно сказал Сашка, – придется добавить. Папочка заставит.

Максим пожал плечами:

– А что поделаешь? Все сложно, – и углубился в книгу.

Сашка свернул браузер и пробежался взглядом по рабочему столу Максима. Беглого взгляда хватило, чтобы понять, чем баловался младший Волков в свободное от учебы время.

– Я все, – Сашка повернулся в кресле к брату и заготовил тому наживку, которую, по идее он бы точно проглотил, – я увидел у тебя четвертую «Цивилизацию».

– Есть такое, – с интересом в голосе ответил Максим. Он отвлекся от книги и даже ее отложил. Значит, готов, супчик.

– Может сыграем? А то я пока без своего компьютера, почитать у тебя особо нечего.

– А давай.

Максим притащил второй стул к компьютеру, и братья начали создание компании. Сашка попал в десятку. За игрой он еще больше расположил к себе Максима, который словно ждал появления в этой квартире кого то, с кем можно было бы разделить досуг. Его возлюбленная для этих целей не подходила, ее даже привести домой нельзя было, так как оба скрывали факт романа от родителей. Хотя ее семья тоже обладала определенным статусом.

Вскоре Максим стал замечать особые странности в выборе Сашкой парадигмой управления компьютерным государством. Они сильно отличались от его предпочтений (что неудивительно, так как Максим вырос в семье социалиста):

– А почему ты выбираешь столь жесткие формы правления? Ведь это пагубно сказывается на настроении твоего народа.

– Кто тебе это сказал? – удивился Сашка, – что мой народ недоволен. Отказ от государственной религии, свободный капитализм ведут к тому, что казна пополняется актив-

нее. Денег больше, значит народ более сытый и довольный. Знаешь, слабость твоей парадигмы в том, что у тебя все равны и бедны как последние бомжи. Свободные, да голодные. А мои вполне себе состоятельны. Даже хватает на содержание армии.

– Но это жестоко!

– Нет, – Сашка понял направление своих дальнейших действий. У братика нет представления о том, что политика отличная от того, чему следовал Волков, вообще имеет право на существование и не должна осуждаться. Это будет праздник, подумал Сашка, – я могу тебе доказать это на примере. Хочешь, даже из литературы. С радостью вывезу тебя в книжный магазин, чтобы разбавить твой ботанико-экологический ассортимент. Поверь, это книги, которые стоит прочесть...

Доставка личных вещей Сашки в квартиру Волкова состоялась ближе к вечеру того же дня. Вместе с компьютером, двумя чемоданами одежды, несколькими коробками книг в комнату ввезли новый компьютерный стол и шикарную тахту. Размещая книги на новом столе Сашка заметил:

– А привезли далеко не все. Видно, что выбирали тщательно. Ну ничего. Думаю, что папуля с радостью разорится мне на стеллаж и выдаст кредитку, для небольшого рейда по книжным магазинам. И еще. У тебя в комнате категорически не хватает живых растений.

– Они все загибались, – объяснил Максим, – потому По-

лина перестала их сюда ставить.

– Ты не зовешь ее мамой? – удивился Сашка.

– Она сама этого не любит. Приготовься к тому же.

– Какая удивительная ситуация. Меня все так удивляет и поражает.

– Это не последнее удивление, что ожидает тебя в нашем милом местечке, – усмехнулся Максим.

– Ура! – воскликнул Сашка, – как они упустили такую крамолу! – он достал из коробки небольшую зеленую книжицу. Это, конечно, для маленьких детей, но тебе сойдет. Быстро проглотишь, и точно захочешь еще.

Сашка кинул ее Максиму. Тот покрутил книгу, посмотрел на заднюю обложку:

– Люблю такие гибкие обложки. И крепкие, и в то же время такие легкие. «Гимн», – прочел он название, – что это?

– Это повесть Айн Рэнд⁵, в которой она впервые прибегла к попытке описать свою философию объективизма. Мне кажется, что ты перекормлен прелестями социализма. Почитай полярное мнение. А завтра съездим по магазинам, и я тебя прикормлю еще большей крамолой. А то свихнешься скоро от своего Даррелла. Читаешь книги про зверей, а у самого даже попугайчика нет.

---

⁵ Айн Рэнд – американская писательница русского происхождения. Автор философского направления объективизма, ставящего в качестве главной движущей силы прогресса силу человеческого разума и разумного эгоизма. «Гимн» – повесть, в которой в сжатой форме впервые раскрываются ее философские воззрения.

– Полина против. Она не любит животных.

– Это мы исправим, – вдруг вырвалось у Сашки, – если у нее нет аллергии, а ты готов сам ухаживать за животинкой, почему бы нет, – а про себя он представлял себе какая феерия начнется в президентской квартире от его действий. Максим ему начинал нравится. Сашке даже было его немного жалко – судя по всему, вечно занятые родители им вообще не занимались. Но кто же его воспитывал. Эврика! Сашка вспомнил кухню и замечательную бабушку Регину. И ее восхитительный борщ. Ну конечно – она и есть главный идеолог для Максима. Это прекрасно. Завтра, помимо книжного они точно посетят зоомагазин. И эта Паулина Вульф слова им не скажет. Просто потому, что Волков уже понял, что за фрукт его сын. И ему придется следовать капризам сынули.

– Полина приехала, – сказал Максим.

– С чего ты взял?

– Вон ее машина на стоянку заезжает, из окна видно.

Сашка прилип к окну – и действительно – темно-красный «Форд» медленно двигался по спуску в тоннель, что вел на автостоянку.

– Вот и познакомимся, – сказал Сашка.

– Ей все это вряд ли будет интересно, – холодно произнес Максим, – она сейчас готовит коллекцию.

– Женская модная одежда? – с легкой издевкой в голосе спросил Сашка.

– Нет, мужская коллекция к выборам.

– К выборам? А разве у папеньки не второй срок?

– Не знаю, – усмехнулся Максим, – я в это не пытаюсь влезать. Не мое это дело.

Сашка предпочел промолчать. Он ждал, что сейчас в комнате появится Волков, чтобы оценить то, как его новый сын обживается на новом месте. А там уже и до представления Полине дело дойдет. Сашка был уверен в том, что не назовет ее Полиной ни разу – наоборот упорно и жестоко будет мучить ее обращением – мамочка. Раз ее это бесит.

Полина Волкова входила в квартиру в состоянии крайне глубокой задумчивости. Все ее мысли в этот момент порхали где-то очень далеко, в районе ее собственного дома мод. Поэтому она и забыла напрочь, что дома ее ждет подарок – ребенок, которого у нее отобрали семнадцать лет назад. Именно поэтому, для Полины было равносильно неожиданному взрыву ядерной бомбы то, что ей навстречу, с сумасшедшими глазами, вылетел худой как палка, высокий брюнет-юнец и завопил:

– Мамочка, я так рад тебя увидеть и лично познакомиться!

Сашка собрал Полину в охапку, а та застыла в недоумении. Максим наблюдал за этим безумием с нескрываемым удовольствием. В гостиной оказался и Дмитрий, который, похоже, был сильно шокирован происходящим, так как помнил, как холодно Сашка реагировал на эти новости. А сам сынуля продолжал свой глум по полной программе:

– Мамочка, я всегда знал, что не просто так симпатизирую тебе, как женщине, как модельеру и как бизнесмену.

А Полина похоже вышла из ступора, но пока не понимала, что происходит:

– Простите, кто вы? – она отпрянула от Сашки в сторону и стала его изучать. Очень скоро она сама узрела знакомые черты и сходство обнимавшего ее объекта с ее мужем, а заодно и с ее отцом.

– Полина, это наш сын Саша, – сказал Волков из своего угла, – как видишь он рад встрече с тобой. Чего не скажешь о встрече со мной.

– Я рада, – холодно сказала Полина, – на будущее, Александр, намотайте себе на ус – я не люблю резких движений, громких звуков, бессмысленных объятий. И не называйте меня мамой. Я это терпеть не могу.

– Хорошо, мамуля, – ответил Сашка.

Полине показалось, что у нее вся шерсть встает дыбом, как у взбесившейся кошки, готовой встать на кандибобер и прогуляться на коготках. Еще немного – и она расцарапает этому юнцу лицо. Но Дмитрий подал жене знак – лучше проглоти все это, потом все объясню:

– В следующий раз, я тебе просто не отвечу, – сказала она резко, – Регина, когда будет ужин? – крикнула Полина в сторону кухни.

– Через десять минут, – раздался голос Регины, – сколько персон? Четыре?

– Пять, – сказал Волков, – Марат ужинает у нас, дочка с мамой слиняли на прием в посольство.

– Хоть какая-то личная жизнь, – вздохнула Полина, – я у себя, – и удалилась.

– Какая муха тебя укусила, – спросил Сашку Волков, когда жена исчезла из поля зрения.

– Запоздалый аффект, наверное, – соврал Сашка, – кстати, мы с братом, – он кивнул на Максима, который услышав эти слова расплылся в улыбке, словно кот, объевшийся сметаны, – собираемся по книжным магазинам. Надо затариться свежей литературой. Кроме того, многое, что я читал осталось там... Ну ты понял меня. Обеспечишь наличностью?

– Я дам тебе кредитную карточку, – сказал Волков, – у тебя кард-бланш.

– Спасибо, папочка, – сказал Сашка и скрылся в комнате. Максим проследовал за ним. Волков отправился к жене. Она встретила его недобро:

– Что это за спектакль, Дима? – она была в диком бешенстве.

– Это наш сын, – ответил Волков.

– Как раз это я смогла разглядеть по его физиономии!

– Да, он так сильно похож на твоего отца.

– Я видела. Но что это за обнимашки в исполнении семнадцатилетнего юнца?

– Дорогая, – он приобнял жену, чтобы та сменила гнев на милость, – его вырастили в других условиях. Он получал

много ласки от родителей, любил их. Это нормальная реакция.

– Здорово. И в связи с этим я все это должна терпеть? У меня показ коллекции через две недели!

– Успокойся, – увещевал ее Волков, – ты же все равно сможешь обкатать ее во время нашей южной поездки. Эмин заверял меня, что все будет в лучшем виде. А у тебя будет время внести исправления к нашей презентации.

Волков обнял жену и поцеловал ее нежную шею:

– Все будет хорошо, я обещаю.

Полина слегка оттаяла. После небольшого препирательства она согласилась выйти к ужину:

– Если он назовет меня мамочкой, я вылью на него суп! – предупредила она.

– Давай договоримся, – сказал Волков, – ты не будешь скандалить. Я и так поставил его в не самые приятные условия.

– В смысле?

– Я скажу прессе, что мы нашли его в детском доме.

– Что?! Ты спятил? – задохнулась новым приступом гнева

Полина.

– Нет. Я все продумал.

– Давай, – встала в позу любимая супруга, – удиви меня своей новой порцией ударной лжи.

– Я продумал это, так как сейчас мне нельзя терять очки перед избирателями...

– У тебя кончается второй срок! Ты можешь вернуться к президентству только через пять лет.

– Отнюдь, – ответил Волков, – у меня есть план. Но все это я расскажу тебе потом. А сейчас я разьясню тебе свой ход мыслей. Согласись, что забери мы ребенка из здоровой и нормальной семьи сразу бы поднялся скандал...

И Волков пересказал жене свое объяснения мотивов обмана прессы насчет происхождения Сашки.

– Это все отлично, – отметила Полина, – но куда ты дел родителей Максима, которые воспитали нашего сына?

– Они там, где их никто искать не будет.

– На Гоа? – сострила Полина.

– Нет. Они в тюрьме по обвинению в неуплате налогов.

– Что?! А как ты это пацану объяснишь? Ему же не десять лет.

– Никак. Он найдет пустую квартиру и никаких ниточек, которые бы привели его туда, где они оказались.

– Но это же... жестоко.

– На кону мое президентство, – ответил Волков, – мой третий срок. Так что у меня не было времени обо всем этом быстро задумываться.

Через двадцать минут все собрались за обеденным столом. Это был первый официальный обед для Сашки в новой семье. И он к этому неплохо подготовился.

– Я понимаю, – сказал Волков подняв бокал дорогого вина, – что покажусь банальным. Но не каждый день случают-

ся подобные перевороты – вчера ты обычный школьник, а сегодня – Сын Президента. Мы делаем все возможное, для того, чтобы всем жилось в нашей Большой стране хорошо, а у наших детей было богатое будущее...

– Ну богатое будущее то у нас и так будет, – прервал ванильную тираду Волкова Сашка, – там где власть, там и деньги.

Полина выпучила глаза и разбрызгала отпитое вино обратно в стакан.

– Но Саша...

– Папа! – начал свою речь Сашка, – я никогда не относился к твоему электорату, да и не стану им никогда. Как минимум, чтобы меня не обвинили в предвзятости по семейному признаку. При этом я вижу, что адекватной замены тебе нет. Я имею в виду, что человека с харизмой и мозгами, за которым бы пошла толпа. А не то сборище клоунов, которое мы с другом Маратом наблюдали сегодня на Гостинке. Поэтому, давай оставим эти разговоры про общественное благо и спокойно поедем. У меня есть свое мнение, и я его менять уже не буду. Потому, давайте оставим эти тошнотворные речи.

– Саша, – пытался сдерживаться Волков, – ты... ты понимаешь с кем говоришь?

– Прекрасно понимаю, – ответил Сашка, – можешь считать, что с тобой говорит глас твоего народа, благом которого ты активно прикрываешься. При этом в твоей стране творится безумие. Все деньги сконцентрированы в руках всяко-

го жуткого быдла и серости. Причем непонятно, откуда они у них вообще взялись. При этом они из себя строят жутко опытных и умных. А сами не берутся за дело, не имея гарантии в двухстах процентах прибыли. Работать и получать доход постепенно им неинтересно. По этой причине у нас самые высокие цены на жилье, полное несоответствие прожиточного минимума минимальной оплате труда и так далее и так далее. Я же не просто так говорю об этом. Я все это видел своими глазами.

– Хорошо, – вмешалась Полина, – можно мне пример? А то я вот что-то не замечала ничего подобного. Живой пример из настоящей жизни.

– А я их множество знаю. У... в общем у мамы Максима... подруга была хорошая. Долгое время работала в Европе консультантом по недвижимости. И вот контракт закончился, она вернулась на Родину. Могла бы спокойно жить на немецкие проценты, но не сиделось на месте. И вот раскопала она, совершенно случайно, отличный участок на запад от Озерска. Нашла в Германии партнеров, которые согласились помочь с поставкой материалов и построить на этом месте коттеджный поселок. По ее расчетам, вся эта музыка должна была взлететь в цене за полгода. И дернул ее черт начать искать инвестора здесь, в Стране. Она прокляла все на свете. Потому что все, сидящие на чемоданах с деньгами бизнесмены среднего уровня вместо того, чтобы проверить ликвидность проекта начинали проверять ее саму. В итоге, один из

них сделал вид, что согласился на работу, а потом кинул ее и украл проект. Благо, немцы люди адекватные – и умного бизнесмена послали гулять лесом. А подруга матери сказала, что в этой стране вести дела невозможно. Продала квартиру и уехала из страны. Сейчас регулярно шлет оттуда открытки с приглашением – мол приезжайте сюда, места всем хватит.

– Это так непатриотично, – сказал Марат.

– Да, – взъелся Сашка, – по вашему все должны сидеть запертые Родиной и не пытаться что-либо сделать? Вы, кстати, в курсе, что без гарантии этих пресловутых двухсот процентов ни один банк не даст кредита.

– И правильно, – вырвалось у Полины.

– Вот, – сказал Сашка, – вы сами же доказываете мои слова.

– Ничего я не доказываю. Я просто говорю, – зло прошипела Полина, – что не дала бы кредита без гарантии дохода.

– Ну конечно. Так и в вашем случае тоже возможен пример. И он тебе не понравится.

– Валяй, – сказала Полина и залпом осушила бокал, – если не понравится, я оболью тебя соком!

– Представь себе, что у тебя на место старшего модельера претендуют две кандидатки. У одной огромное портфолио, рекомендации лучших домов мод, а вторая просто пришла с улицы и видно, что она рисует гениальные модели. Вот и кого бы взяла.

Полина задумалась:

– Наверное... Я возьму ту, что с опытом. Ее учить не придется, она готовая. А зелень всякая может оказаться пустышкой.

– Вот, – сказал Сашка, – ты только что признала, что поступишь исходя из чужого мнения, а не своего.

– Это почему же? – возмутилась Полина.

– Так ты только что предпочла опереться на мнение посторонних, то есть на чужие рекомендации, нежели на собственное видение. То есть ты еще и ответственности боишься. Не хочешь ее на себя брать. Ведь с улицы девочку учить всему придется, в дело вводить и так далее. Но это больно пыльное дело. А то, что девочка с рекомендациями, так скорее всего она банально их насосала под столом у шефа и как профессионал она полный ноль. Что скажешь на это?

Сулянин прыснул. Волков с интересом наблюдал за перепалкой сына с мамочкой:

– Если смогла все так обстряпать, значит уже неглупая, – покрылась Полина.

– Но она ноль в профессии! Не может отличить швейную машинку от оверлока. Ничего профессионального и гениального, кроме члена известного модельера, в ее голове не бывало.

Полина подняла руки:

– Я пас. Должна признать, что ты меня уел. Но на мое счастье, я еще не сталкивалась с девочками с улицы, которые бы сразу рисовали гениальные вещи.

– Правильно, потому что эти девочки до тебя просто не доходили. Ведь прежде чем показать кандидата боссу он проходит через все круги ада в лице кадровика, специалиста по консалтингу и какого-нибудь заместителя. Кстати, все гении срезаются именно на рекрутерах. В первом кругу ада. А знаете почему? Так как там сидит самая серость, которая и пропускает дальше исключительно такую же серость как они сами. В противном случае – они профнепригодны. Вот в этом и есть недостаток работы в большой команде. Каждый тянет одеяло на себя. Это главная проблема социализма в принципе.

Регина подала второе блюдо – безумно вкусные котлеты из трески с грибным и сметанным соусом. Марат Сулянин решил попробовать свои силы в красноречии и только потом понял, как облажался, так как досталось и ему, и президенту:

– Саша, – сказал он, – но ты не находишь, что твое столь резкое отрицание социализма связано с некоторым недопониманием последнего?

– Ничуть. Друг Марат, если хочешь, могу доказать опытным путем.

– Попробуй, – Волков с интересом наблюдал за сыном. Максим тихо сидел на своем месте и про себя восхищался братом. А Полина не слушала их разговор, она была вполне довольна тем, что сын переключился на другого.

– Один преподаватель экономики, который не заваливал на своем предмете никого завалил целую группу. Студенты

из группы искренне полагали, что социализм – лучшее изобретение человечества, и что оно работает. И никто при нем не будет бедным, и никто – богатым. Величайшая гениальная уравниловка! Профессор предложил поставить в этом классе эксперимент на предмет социализма. Все оценки будут усредняться и каждый получит одинаковую оценку, таким образом, никто не провалится и никто не получит «отлично». После первой контрольной оценки были усреднены, и все получили «хорошо». Студенты, учившиеся упорно, были сильно расстроены, а студенты, кто учился мало – безмерно счастливы. В результате ко времени второй контрольной студенты, те кто учился мало, занимались ещё меньше, а те, кто учились упорно, пришли к выводу, что им не резон активно гнуть спину в период подготовки к предмету – ведь «отлично» им при любом раскладе не получить. Именно поэтому они занимались немного. Таким образом вторая контрольная в среднем дала «удовлетворительно». Никто не радовался, но эксперимент все равно был продолжен. В итоге, третья контрольная по среднему показателю дала крайне ожидаемый «неуд». Результат так и не улучшился, пошли бесконечные ссоры, упрёки и ругань. Все пришли к враждебным отношениям, и при этом никто не собирался учиться за других. Все завалились, хотя не ожидали этого. Профессор разъяснил им, что социализм в конечном счете упадёт, потому что чем тяжелее преуспеть, тем больше награда, но когда правительство все награды отбирает и уравнивает, никто не

будет стараться преуспеть. Несложно догадаться, к чему это в конечном итоге приведёт. Тебя устроил мой ответ?

– Он не совсем удачный, – вмешался Волков, – те, кто учились плохо не держались за идею. А если быть совсем точным, то они ее рассматривали только с теоретической точки зрения. Потому и лопухнулись.

– А вы считаете, что по взмаху волшебной палочки такие паразиты исчезнут из нашей жизни? Или, может быть, они вдруг ни с того ни с сего пропитаются идеологией и станут активными последователями? Зря так думаете. Этому не бывать. Паразиты вечны. А если учесть, что наша нация сама по себе очень любит халяву – то он и в принципе невозможен. Да что я вам доказываю тут, вспомните коммунистическое прошлое, ведь всего двадцать пять лет прошло. А я ведь еще видел таких страшных людей, которые по тем временам еще и скучают. Недостаточно себе нагребли, вот и страдают, что они не возвращаются. При этом как в те времена законы особо не соблюдались – ими прикрывались для проформы, так и сейчас, законы удобны только для того, чтобы наказать неугодного человека.

Сулянин выдохнул. Сашка поехал по его любимой мозоли.

– Но сейчас совершенно другие времена, – Сулянин только сейчас понял, что сказал еще одну глупость, которая будет стоять ему длинной тирады.

– Да ну! Вывеска сменилась, а по сути изнутри все та же

самая система!

– Ой, – отмахнулся Волков, – вот и систему припомнили.

– А что, твое и твое, – Сашка кивнул на Сулянина, – правительство разве не являются тому доказательством?

– В смысле, – подскочил Сулянин на месте, – я и не замечал... В моем ведомстве все следуют букве закона.

– Ой, мне сейчас так смешно станет, не представляешь просто. Законы они соблюдают. Понимаешь, тут я знаю несколько больше... У меня лучший друг был сыном специалиста из твоего департамента по транспорту и связи. И весной они не просто эмигрировали из страны. Они бежали отсюда как от чумы. И это при том, что его отец был прожженным патриотом, бил себя пяткой в грудь и говорил, что никогда из страны не уедет. Так его за пять лет в этом прелестном зоопарке церебрально изнасиловали так, что он первым снял деньги со своего счета и внес аванс за домик в Турции.

– Что же его там так не устроило? – удивился Волков, – не знал, Марат, что у тебя в правительстве города такие страсти творятся.

– А это несложно объяснить, – сказал Сашка, – его задолбало то отношение, которое царило в департаменте. Его руководители – Птичкин и Кухарская, трудовой кодекс, кажется, видели только в кошмарном сне. Да еще, при этом, демонстрировали такие чудеса менеджмента, что любой университетский преподаватель от таких методов забился бы в припадке. Хотя они оба – чисто типичные руководители со-

временности. Птичкин – бывший военный, и судя по всему, привык, что все его приказы должны исполняться беспрекословно и безо всяких обсуждений. А рабочая сила и вовсе – бесплатная, как та, что строила ему дачу или красила забор. Военные на руководящем посту – это так же страшно, как и военные при деньгах и со своим бизнесом. У них в голове не укладывается, что всем работникам надо платить и бесплатной рабочей силы не существует. А бабушка Кухарская, которая все свободные деньги тратит на повышение благосостояния озерской пластической хирургии и вовсе, работала себе раньше в плановом отделе и орала на всех без остановки. Так же как сейчас орет на подчиненных так, словно ей вчера матку без наркоза вырвали...

Сулянин хлопнул рукой по столу:

– Саша, может ты будешь сдерживать свой лексикон и метафоры?

– А что я могу сделать, если она действительно себя так с подчиненными ведет. При этом сама даже компьютером на минимальном уровне не владеет. И любое объяснение, что выполнить ее спецсверхсрочное задание за двадцать минут невозможно технически, она не воспринимает. Вы обязаны сделать – выполняйте. Прекрасный руководитель, друг Марат. Она прекрасно иллюстрирует то, как кухарка может управлять государством, благо, фамилия к этому располагает. Я просто аплодирую стоя системе рекрутинга нашего городского правительства. Это еще один лишний аргу-

мент в пользу моей теории консалтинга для серости. Потому что действительно исполнительный сотрудник в современной недосоциалистической системе не имеет никаких шансов на продвижение. Потому что все места заняты либо бывшими военными, устроенными по блату, либо климактерическими тетушками за совокупность заслуг.

– Примеры, – без эмоций проговорил Сулянин, – приведи мне пример. Пока что у тебя нет повода так резко говорить о людях, которые старше и умнее тебя.

– С каких пор у нас возраст – это повод для уважения? Особенно если люди достойно демонстрируют своим поведением прекрасные проявления преклонного возраста вроде старческого маразма. А далеко за примерами ходить не надо. У всех сотрудников рабочий день нормированный. И все ДОЛЖНЫ уходить в семнадцать ноль-ноль. Но что поделаешь, если тебе, друг Марат, может в семнадцать десять ужалить в одно место шило – захочется провести совещание. Утром. В восемь утра. И бежит этот Птичкин в отдел, где слегка задержались лишь самые ответственные. А остальные ушли. Все в рамках закона! И вот сидят эти несчастные до полуночи, бумажки готовят. А на утро обязательно надо прибыть к восьми, чтобы на следующий день снова к полуночи приехать. Ну так как, веселый балаган? А зарплата, с теми, кто вовремя уходит одинаковая. А шишек более активные собирают в разы больше. Вот он проварился в этом адском котле пять лет, после чего не выдержал. Просто в один пре-

красный день, на должность начальника отдела вместо него, такого активного и незаменимого, Кухарская посадила свою дочку, которая только что закончила университет не по профилю, но очень хотела хорошо зарабатывать. При этом всю работу за нее пришлось бы делать другим. А девочка просто устроилась у себя в кабинете и в пасьянс играла. Так что и у тебя в ведомстве, друг Марат, царит твой обожаемый социализм в условиях которого серость и паразиты выигрывают партию.

– Я... – Сулянин, казалось, потерял дар речи, – я не знаю, что на это сказать.

– Проверь завтра же свой департамент транспорта и связи, – сказал Волков, – это же беспредел.

– Саш, – посмотрел Сулянин на сына президента, – мы с тобой попозже поговорим, ты мне все расскажешь.

– Хорошо, – весело ответил Сашка, – за сегодняшний день я от тебя это слышу уже в третий раз!

Подали десерт. Ситуацию спасла Полина, которая вовремя вывернула вектор беседы:

– Дорогие мужчины, хочу напомнить вам, что помимо вас за столом есть еще люди. А также сказать, что через неделю нам предстоит поездка. И, по идее, неплохо было бы, если бы Саша поехал в Южную страну с нами.

– Куда? – испугался Саша.

– На Юг, – ответил Волков, – я давно задолжал Эмину визит, а Полина собиралась провести там пробную презентацию.

тацию новой коллекции.

– Это любопытно...

– У тебя же заграничный паспорт действителен?

– Да. Но там же жарко сейчас? – спросил Сашка.

– К сожалению, да, – ответила Полина, – если я тебя этим наградила, то думаю, что тебе поможет мое средство, которое я использую в жару.

И остаток ужина прошел в мирном обсуждении красот столицы Южной страны, куда собралась президентская чета...

Сулянин вернулся домой с тяжелым камнем на сердце. Завтра предстояло проверить творящиеся в транспортном департаменте вещи. Войдя в гостиную, он увидел что жена уже вернулась:

– Милая, – сказал Сулянин, – я так устал. Ты себе не представляешь, насколько.

– Ты ужинал у Волковых?

– Да.

– Они нашли своего сына?

– Совершенно верно. Я ужинал вместе с ним.

– И как он? Такой же тюфячок, как и Максим?

– Нет, – ответил Сулянин жене, – его полная противоположность. Он очень похож на отца Полины, и есть что-то общее с Димкой. А характер... Там Полина номер два. Острый на язык. Не представляешь насколько резкий. Устроил мне бенефис по полной программе.

Наталья Юрьевна Сулянина посмотрела на мужа прищурившись. Эта немолодая, но по прежнему очень красивая женщина во многом напоминала Полину. Но у двух супердам была одна существенная разница. Несмотря на работу в своей собственной компании Наталья не позволяла запустить дом, всегда старалась готовить ужин (по мере возможности) и воспитала прекрасную дочь Женю, которая переняла у матери все навыки ведения дома, отлично готовила, и при этом всегда имела и отстаивала свою точку зрения. Вторая разница с женой президента состояла во внешности. Обладая воистину природной красотой Наталья Юрьевна даже перешагнув пятидесятилетний барьер не пользовалась большим количеством косметики – ей это и не требовалось. Также, по принципиальным соображениям она не прибегала к услугам косметической и пластической хирургии. В связи с чем некоторые следы старения уже обозначились на ее безупречном лице. Но харизма и шарм никуда не исчезли. Еще одним моментом, который стоило бы отметить в Наталье Юрьевне Суляниной – это то, что в отличие от Полины Волковой она никогда не позволяла себе чисто женские слабости. Именно по этой причине, слушая описания мужа она усмехалась над поведением Полины:

– Она как обычно, сразу дает слабинку. Мне это в ней никогда не нравилось. Если ты строишь из себя женщину-вамп с жесткими чертами характера, никогда не создавай себе заведомо слабых мест для удара. Вот зачем она реагирует на

его злоупотребления словом «мама». Ему же еще нет семнадцати, значит этот Сашка вполне еще способен радовать окружающих чисто детскими выходками.

– Детскими выходками, – удивился Сулянин, – он рассуждает как вполне взрослый мужчина. Ты бы слышала его пассажи про социализм, торжество серости и тому подобное.

– Тем более, – мудро рассудила Наталья, – это нормально. Все его показательные разговорчики – такое же проявление детства. Ты же взрослый и опытный человек. Неужели ты этого не рассмотрел. Ладно Полина, которая постоянно витает в своих коллекциях и в жизни не понимает ничего. Или Димка, у которого за десять лет управления государством уже ум за разум заезжает, и подобное событие для него не вписывается ни в какие каноны. Но ты, старый и больной еврей, мог бы отличить напускную взрослость от настоящей.

– Не знаю. Мне от него так влетело, что я сидел и не знал, что говорить. И ведь все по делу, он все подкреплял своими примерами и доводами. Если так дальше будет продолжаться, то Димка под действием своего сыночка сам переберется из социалистов в самые настоящие либералы.

– А кто сказал, что ему это повредит, – улыбнулась Наталья, – просто грустно то, что он замечает свои ошибки под чьим-то воздействием, а не сам. Если Волков станет либералом из-за сына, то мне его жаль. Нужно иметь свою голову на плечах и понимать, что ты творишь.

– Да вспомни ты, кем он работал раньше.

– Ты про его шпионские подвиги? И что с того, в разведку как раз самых умных и берут. Так что должен был и сам прийти. Когда там ожидается великое обретение ребенка на глазах у удивленной прессы?

– Завтра, – ответил Сулянин, – спектакль будет в десять часов.

– Как он собирается показать родителей Максима?

– Никак.

– Не поняла, – удивленно посмотрела Наталья на мужа.

– Он их не покажет. Всем скажут, что Сашку нашли в детском доме...

– И все документы подделают, всех кого надо подкупят... господи, – расстроилась Наталья, – Дима совершенно не учится на своих же ошибках. Ведь все равно раскопают, все равно расковыряют и перекрутят...

– Не раскопают. Эта пара вне досягаемости для журналистов.

– А где они? – испугалась Наталья ожидая худшего.

– В тюрьме, – после паузы признался Сулянин с интонацией ребенка наделавшего пакость.

– Он..., – Наталья Юрьевна на секунду потеряла дар речи, – совсем с дуба рухнул?

– Дима сказал мне, – проговорил тяжелым голосом Сулянин, – что ему сейчас не нужен скандал. На носу выборы...

– Какие, к чертям выборы, если он на втором сроке?

– У него есть план по решению этого. Он собирался мне

скоро обо всем рассказать.

– Больные, – недовольно ворчала Наталья, – от власти мозги совсем расплавились кажется. Сумасшествие тотальное. Он о парне то подумал? Не боится, что тот все узнает.

– Как я понял, он сумел с ним договориться...

– Да наврал он ему с три короба, – возмутилась Наталья, – я не пойду завтра на его безумие. И не пытайся уговаривать, слышишь?

– Все через одно место, – сказал Сулянин, – ты полагаешь я всего этого не вижу. А мне завтра еще разборки в департаменте предстоят...

– Это в каком же?

– У Птичкина и Кухарской, в транспорте.

– Аллилуйя, – вскинула руки Наталья, – неужели ты наконец-то решишься отправить Курицу и его Кухарку на заслуженный отдых? Я не буду спорить, что твоя шарашка переполнена некомпетентными личностями, но эти двое – просто вертикальный шестиметровый фонтан рвотных масс!

– И ты молчала? – удивился Сулянин.

– А ты слушал вообще? Я сколько раз тебе говорила, что с ними работать невозможно. Был у них один специалист, так еще жить можно было, а как эмигрировал, так вообще мрак – сборище маменькиных сынков и чьих-то родственников, которые ни за что не отвечают и не делают ни хрена...

– Вот именно о его судьбе мне сегодня и поведали...

– Кто? – глаза Натальи округлились, – неужели новый сы-

нок Волкова?

– Он самый. Сын этого специалиста был его близким другом. Потому он все знал в подробностях.

– И твоих подчиненных выстирал в первый же ужин с новым родителем?

– В точку.

– Я бы со стыда провалилась, – пробормотала Наталья, – ладно, там Женька из душа вылезла, я ей помочь обещала с платьем. Можно просьбу? – супруга покосилась на мэра.

– Какую?

– Будь ласков, постарайся, чтобы я первой узнала от тебя о том, что Димка придумал со своим третьим сроком. По крайней мере я буду готова к крушению, если он проколется, хотя... он не проколется. Если ты играешь с Верховным судьей в теннис, а дочка Председателя избиркома по твоей рекомендации принята в лучший закрытый университет Европы, то тебе не то что третий срок, тебе пятки лизать должны и кремом мазать. Причем все это языками...

– Хорошо, – после недолгих раздумий ответил Сулянин. Наталья удалилась, а Сулянин решил позвонить Птичкину прямо сейчас и разобраться с ним.

А виновник всех перетурбаций в жизни мэра в этот момент занимался настройкой своего компьютера под новую сеть. Максим ему в этом с радостью помогал:

– Ты им сегодня весь ужин испортил, – говорил он.

– Ничего, потерпят. Уже тот факт, что я не должен пока

видеться с моими предками меня бесит по страшному. Фашист он, а не отец. Главное, завтра на церемонии не сорваться.

– Что ты имеешь в виду?

– Не заржать там от перевозбуждения. Или не ляпнуть чего лишнего...

– Ну это ты загнул, – сказал Максим, – я думаю, что тебе выдержки хватит. Слушай, а ты уверен, что хочешь жить со мной в одной комнате? Полно вариантов в квартире.

– Я думал, – тут Сашка позволил себе пассаж, который на самом деле был обусловлен желанием быть рядом с братом все время чтобы испортить его своими идеями, – и сам предложил папочке эту мысль. Я хочу получше узнать тебя, мы же братья по несчастью, так сказать. В отдельной комнате мне будет хуже. Вот такая логика.

В эту ночь Сашка спал очень плохо, часто ворочался, дважды менял температуру кондиционера. В середине ночи Максим проснулся от невыносимого холода – на пульте красовалась температура в 16 градусов. Сашка сидел в темноте на своей кровати.

– Ты чего не спишь? – спросил Максим.

– Не спится. Всегда на новом месте плохо сплю.

– А зачем кондер на такой холод поставил?

– Мне иногда помогает...

– И как?

– Неудачно.

Сашка снова лег на кровать, но сна по-прежнему не было.

Весь следующий день он провел в ожидании. Вся безумная церемония и пресс-конференция, собранная Волковым тянулись как назло очень долго. При этом все эти действия отличались зашкаливающим любованием Волкова своими достижениями, и что вот теперь он такой героический, нашел своего настоящего сына, но и того, которого воспитал бросать не собирается. За весь период этих событий он позволил себе только одну тонкую шуточку. На вопрос журналистки из молодежного журнала о том, какие книги предпочитает сын президента весь цвет журналистики услышал:

– «Атлант расправил плечи»⁶, Айн Рэнд.

В тот момент Волков ощутил на себе понятие «холодный пот». Он даже изменился в лице, что заметил один журналист, которого пока оставим безымянным, хотя раскрою тайну – он еще сыграет роль в нашем дальнейшем повествовании.

Окончание официального действия было омрачено четырьмя интервью, в которых были заданы совершенно одинаковые вопросы, на которые Сашка дал одинаковые ответы.

– Интересно, – заметил Сашка после этих событий, – у нас показатель профессионализма журналистов в этом проявляется? Почему у всех одни и те же вопросы на уме. Хорошо

---

⁶ «Атлант расправил плечи» – главный роман Айн Рэнд, в котором показывает крушение социалистического общества и плановой экономики и воспеваются абсолютный капитализм и ценность человеческого Эго перед коллективизмом.

хоть не спросили, как мне Озерск.

После интервью наступило вознаграждение в виде кредитной карты и машины с шофером.

– Думаю, что лимита должно хватить, – сказал Волков Сашке.

– Если не уложусь, потрачу со своей, – ответил ему Сашка.

– У тебя столько книг не влезет в машину.

– А мы фургон вызовем, – вдруг выдал стоявший рядом Максим, который до этого стабильно молчал (даже в течение пресс-конференции, а на интервью он вежливо улыбался).

Рейд по книжным магазинам удался на все сто процентов. Особенно порадовал Сашку поход во «Фломастер» на «Спиртзаводе», где давно уже лежали несколько зарубежных книг, которые он заказывал в качестве подарка на выпускной. После четырех часов книжного выгула братья вернулись домой. Помимо большого количества всевозможных книг Сашка прикупил сборный стеллаж, который планировал собрать, пока Регина будет сочинять братьям обед. Визит любимой горничной и бабушки всея Волковы не заставил себя ждать.

– Вы что, ограбили библиотеку? – ужаснулась Регина от того количества книг, которое она увидела.

– Нет, бабуль, – отозвался Максим.

– Мы всего лишь истратили одну десятую лимита с этой кредитки. Просто праздник какой-то, – сказал Сашка, распаковывая коробку со стеллажом, – сейчас все это расставим

и можно будет обедать.

– Жду вас через 20 минут на кухне, – сказала Регина и удалилась.

Сашка и Максим за десять минут собрали стеллаж, после чего стали распаковывать книги. Сей процесс оказался длительным, в результате чего было принято решение продолжить сию мистерию после сытного принятия пищи.

Полина вернулась из дома мод раньше времени и встретила в гараже шофера, который возил братьев по книжным магазинам. Осведомившись у него о местах, и узнав, что Сашка и Максим закупили целую библиотеку она, помчалась наверх. В ней победило женское начало, которому было до смерти любопытно, что же они накупили. Оказавшись в квартире, она нашла братьев на кухне, где они уплетали суп с клецками за обе щеки:

– Как съездили, – с нескрываемым интересом спросила Полина.

– Блестяще, – ответил Максим.

– Кое чего не было, да и потратили не так много, – аукнулся Максим, – у нас все в комнате сейчас свалено, можешь посмотреть. Только если возьмешь что почитать, предупреди.

– С превеликим удовольствием, – ответила Полина и вышла.

Максим, Регина и Сашка удивленно переглянулись. Поведение Волковой было в высшей степени неожиданным и

странным.

Полина оказалась в комнате у братьев и с интересом стала рыться в закупленных книгах. Все эколого-биологические штучки Максима она совершенно пропустила. И зря. Одна из книг называлась – «Домашняя кошка». Это должно было намекнуть на неминуемость появления пушистой красавицы в доме. Но Полине было интересно другое. Полное собрание сочинений Айн Рэнд ее не удивило. Пусть читают, если хотят, – подумала Полина. Следующая книга порадовала ее своим провокационным названием – «Государственный переворот. Практическое пособие». Да, – подумала она, – он точно наш сын. Это даже весело. Полина улыбнулась. И тут ей в глаза бросились три книги с названиями на иностранном языке. Первая была в красной бархатной обложке, с большими черными буквами – KÖIGE TAGA OLI NIRM⁷. Отверстие в R было выполнено в виде серпа и молота. Далее Полина воспользовалась своим смартфоном и быстро получила перевод. Успокоив себя тем, что увидела всего лишь антисоветский исторический роман она взяла вторую книгу – она была серой со светло-коричневым корешком. Надпись гласила – ABSURDI IMPEERIUM⁸. Обложку также сопровождали серп и молот. Название Полина даже не стала переводить. А вот третья книга. Когда Полина посмотрела на обложку ее прошла легкая дрожь. Но она узнала этого человека, так

---

⁷ Все это было кошмаром.

⁸ Империя абсурда.

как он был знаком с Дмитрием еще до его президентства. Но на обложке он был изможденный и замученный, кроме того – лысый. Заголовок гласил – FSB LASEB VENEMAA ÕHKU⁹. Переводить его ей не было надобности. Она его и так знала. Схватив книгу в руки она бросилась на кухню, чтобы разобраться с сынулей и расставить точки над і.

Но разговор сорвался. В гостиной она столкнулась с Волковым.

– Посмотри на это, – она трясла перед носом у мужа книгой на незнакомом языке, – он приволок это из книжного сегодня.

Волков взял у нее книгу, осмотрел ее и тоже понял суть происходящего. Вдруг она была выхвачена из его рук неожиданно появившимся Сашкой:

– Я же сказал, – грозно сказал он, – соберешься читать – сначала предупреди.

– Зачем тебе это, – вскрикнул Волков.

– Занимательное чтение, очень даже увлекательное. Хочешь процитирую?

– Не надо, я прошу тебя..., – пытался договориться Президент.

– И мне не надо ничего говорить, – вдруг сказал Сашка, – я сам все прекрасно вижу. Если бы за вами не было никакой вины в этой ситуации, то не устраивали бы тут ритуальных танцев с бубном. А раз пляшете, значит рыло в пуху!

---

⁹ Спецслужба взрывает Большую страну

– Саша, стой.

Сашка развернулся к Волкову спиной и пошел в сторону своей комнаты:

– Саша, – повторил Дмитрий.

– Что? – резко развернулся он, – что ты еще мне хочешь сказать?

– Эта книга – ложь от начала до конца. Поверь мне.

– Тогда почему Полина так паниковала, когда ее увидела.

Полина чертыхнулась:

– Ну зачем тебе это знать?

– Хочу понять, – сказал Сашка, – почему у вас такая паника.

– Я... я не знаю..., – Полина не могла подобрать слов.

– Да скажи ему, – махнул рукой Волков, – благо не ребенок уже.

– У меня была интрижка с этим типом до брака с твоим отцом. И он вредил ему всю жизнь за то, что я выбрала не его.

– Звучит убедительно, – сказал Сашка, – но я все равно ее прочту. Скажи спасибо, что не заказал ее на русском языке. Она там и в таком виде тоже имеется, поверь мне.

Сашка закрыл за собой дверь.

– А ты не теряешь квалификации, моя милая, – хлопнул жену по заднице Волков, – выкрутилась. Но и влипнуть не стоило. Не забывай, по разуму он нам равен, если не превосходит. Так что будь осторожна. Сегодня ты явно допустила

ошибку.

– Ладно, ладно, согласна, – признала свою вину Полина.

– Что у него там еще было? Из книг на русском, ты же знаешь, что я с этим милым языком, как и со страной не в ладах.

– Макс нагреб себе кучу книг по экологии и биологии. Ну и вся Айн Рэнд там.

– Это я ожидал, что еще?

– Куча всяких пособий по международному праву, история... Ничего провокационного. А. Стой, вспомнила, он купил практическое пособие по государственным переворотам.

– Лутвака? Оно вышло на русском?!

– Судя по всему да, – сказала Полина.

Волков, словно забыл, что он президент этой большой страны, пронесся через всю квартиру к комнате братьев, куда вбежал без стука. Когда Сашка и Максим посмотрели на него, то их очень позабавило выражение лица Волкова.

– Что-то случилось? – спросил его Сашка.

Волков часто дышал и потянул к сыну руки.

– Сашенька, Лутвак... Ты купил Лутвака?

– Да. Это тоже запрещенная литература?

– Саша, я ждал ее выхода на русском и пропустил. Дай мне ее почитать, верну в целостности и сохранности и отдам через два дня. Я читаю быстро.

Сашка улыбнулся, взял с кровати книгу и сказал:

– Да, вот теперь я точно вижу, что я твой сын.

– Не надо издеваться, – чуть не плакал Волков.

– Пап, он не издевается, – сказал Максим, – просто его сегодня в книжном так же колбасило, когда он этого Лутвака увидел.

– Я дам, но с условием, – улыбнулся Сашка.

– С каким, – расстроился Волков. По нему было видно, что сейчас из него можно выпросить что угодно. Хоть живого слона.

– Мы с Максимом хотим взять кошку. Обычную, беспородную. Обязуемся за ней ухаживать, любить и лелеять.

Волков закусил губу:

– Ладно, только после возвращения из Южной страны.

– Договорились, – Сашка подал Волкову книгу и тот удалился.

– И представить себе не мог, – сказал Максим, когда дверь за президентом закрылась, – что его так легко купить книгой. Я их с детства умолял взять мне кошку. И ни в какую.

– Я тоже на многое могу согласиться за книжку, – улыбнулся Сашка, – давай займемся разбором наших завалов, а то нам спать негде будет.

Сашка запустил с компьютера музыку – мягкий джаз на незнакомом языке.

– Что это играет? – спросил Максим.

– Это Маргус Вахер и группа Kesköö. Нравится?

– Неплохо звучит. Слышно, что качество записи хорошее.

– Песня называется «Наизнанку». О том, что мир людей и мир природы – как два антипода словно друг дружку вывернули наизнанку.

– Интересная метафора...

Разбор книжных завалов затянулся далеко за полночь. Завершив эти действия Сашка вызвался сходить на кухню и заварить там чай. В гостиной свет не горел. Сашка осторожно обогнул комнату и оказался возле кабинета Волкова, откуда он слышал, как тот беседует с Суляниным:

– Я проработал этот вариант и мне он кажется вполне рабочим. Этого человека придется попросить походить какое-то время в маске. Ведь если я нашел себе сына, то почему, так же неожиданно не мог бы найти брата-близнеца.

– И они купятся?

– Марат, они только и ждут этого. Вся наша оппозиция не набирает и пяти процентов. А всем остальным нужно, чтобы все оставалось как есть.

– Тут ты прав. Но не идешь ли ты на страшный риск?

– Кто не рискует, тот полный лох.

У Сашки перехватило дыхание. Так вот как он собирается пойти на третий срок! Каков злодей! Девочка в углу захлебывалась кровавыми слезами и орала в голос.

4. Вся жизнь

*Всю мою жизнь я ждала твоих рук что
коснутся меня*

Все это время искала кого-то на тебя похожего

Всю мою жизнь, без тебя я была так одинока

*Так что, любовь моя, пообещай, что никогда
меня не покинешь*

Current Music – Alyona Lanskaya – All my life

Самолет Президента Большой страны заходил на посадку в аэропорту столицы Южной страны. Столица была значительно меньше Озерска, но из самолета выглядела очень красиво и загадочно. Потрясающий город раскинул свои крылья вокруг большой морской бухты. Он переливался яркими, сочными красками, напоминая россыпь вкусных абрикосов, вишни и тутовых ягод, которых в этом городе было настолько много, что они росли едва ли не на улице. Сашка впервые посещал эту страну. Максим же уже знал этот город, но дальше экскурсии на автобусе не выбирался.

Сашка сразу сказал брату:

– Мне на эти запреты чихать. Я хочу сам посмотреть город, оценить метрополитен и закупиться книгами. Говорят, у них карточкой можно заплатить на каждом углу и в каждом такси, так что не заблудимся.

Максима вся эта перспектива немного пугала, но за эти

несколько дней он успел значительно измениться под влиянием новоиспеченного брата. Стал более самостоятельным, ответственным. И самое страшное – без влияния Сашки принял решение вопреки желанию Волкова подать свои документы на экологический факультет. Даже Сашка еще этого не знал – поскольку он изначально метил на международные отношения, которые папочку более чем устраивали. Полина в этих мужских разборках не участвовала и не влезала принципиально, дабы не влипнуть, как это получилось в прошлый раз в истории с книгой.

Но главная и самая страшная трансформация Максима состояла в том, что он за неделю накачался объективистской литературой по самые уши. Родители не влезали в это действо, хотя иногда их пугали заявления Максима вроде:

– Прошу не насиловать мой разум, он все равно будет сопротивляться до последнего нейрона.

Полина благополучно закончила свою коллекцию, которая получила в семье довольно высокую оценку. Причем по многим моделям она неожиданно много советовалась с Сашкой. Так что сын смог найти общие точки соприкосновения с мамочкой, и все остались довольны.

Когда самолет развернулся к основному аэропорту столицы Сашка сказал:

– Это здание из стекла так напоминает праздничный торт!
Кроме шуток.

– Они строят сейчас новый терминал, – со знанием дела

поведал Волков, – этот уже слишком тесный. Хоть и очень красивый, не спорю. Но для торта на нем слишком много черных полосок, не находишь? Здание терминала, и правда, чем-то походило на праздничное угощение.

– Нет, – сказал присмотревшись Максим, – это фонтан такой.

– Фонтан нефти, – мрачно пошутил Волков, зная, что эта страна очень много получает за счет экспорта этого полезного ископаемого и только благодаря нефти смогла подняться и выглядела довольно богатой страной, – посмотрел бы я на них, если бы у них ее не было, или она кончилась...

– Не будь таким злым, – сказала Полина, – они все такие милые...

До этого дня Сашка не знал, что из себя представляет настоящее восточное гостеприимство. В этой южной стране оно совмещалось с настоящим европейским лоском.

– Если встречающий спросит, не голоден ли ты, – предупредил Волков, – скажи, что хорошо поел в самолете. Иначе это выльется в огромную пирушку за его счет. И это не приказ его президента, у них это в крови, кроме шуток. Поначалу тебя это будет радовать. А когда встанешь на весы, вернувшись в Озерск, придется заняться бегом или плаванием.

– Почему бы и нет, – сказал Сашка, – вам всем неплохо бы плаванием заняться. А то я один пользуюсь нашим бассейном. Зачем ты его вообще строил в квартире, если не используешь?

– Хорошо. Дома разберемся, – сказал Волков, – обещаю подумать.

Возле трапа их встречала делегация во главе с Президентом страны, Эмином. В далеком прошлом он был певцом, может даже немного успешным. Но после смерти его отца, в тот момент Президента Южной страны, пришлось пойти на поводу у просивших его соотечественников занять почетный пост и вести государство в светлое будущее. Так закончилась история певца и началась успешная карьера политика. Эмин, как всегда расплывался широченной восточной улыбкой своих белых зубов и приветствовал гостей на их языке совсем без акцента:

– Я так рад видеть тебя, Дмитрий, – сказал он Волкову, – здравствуйте Полина.

Они обменялись рукопожатиями:

– А это, наверное, Александр? Я сразу догадался, что это он, вы так похожи.

Максим должен был расстроиться этому пассажиру, потому что слишком многие люди теперь отмечали его несхожесть с отцом. Однако, это имело обратный эффект, так как все официальные формальности, которые его безмерно бесили, то теперь он был очень счастлив. Зато, это имело крайне неприятное продолжение при прохождении паспортного контроля в ВИП-зоне аэропорта.

Именно Максиму досталась на таможне сотрудница, работавшая там едва ли не второй день. Она на довольно ко-

ривом языке при проверке паспорта, не заметив (или толком не прочитав правильно) фамилию Максима, произнесла неожиданный вопрос:

– Цель посещения, – и покосилась на Волкова-младшего, словно он приехал с чемоданом ганджубаса.

– В смысле? Я не понял вашего вопроса, – Максим действительно с трудом разобрал, что сказала девушка, кроме того во все предыдущие визиты в страну, его не озадачивали подобными каверзными вопросами.

– Ваша цель посещения страны, – еще раз, более грубым голосом отчеканила девушка.

Максим стоял и смотрел на нее, как на соляной столб. Да и сам он его тоже неплохо напоминал. Неизвестно, чем бы завершилась эта милая мистерия, если бы за спиной у Максима не нарисовался Эмин и не спросил его:

– Ты уже все, твои все отметили паспорта.

И черт дернул Максима сказать вещь, о которой он потом пожалел:

– Я не понимаю, что она от меня хочет. У нее акцент.

Далее последовала разборка президента страны со служащей таможни аэропорта. В силу того, что разговор велся на их языке понять Максим ничего не смог. Девушка явно отгребла от президента страны на орехи, после чего появилась ее начальница, поставила Максиму печать о прибытии, мило улыбнулась, извинилась без акцента, и они отправились дальше.

В машине Эмин устроил Волковым очередную экскурсию по родному городу, хотя кроме Александра – все остальные бывали тут неоднократно:

– Это наш новый мост, – показал Эмин на огромную белую конструкцию, – скоро закончим всю объездную дорогу. После этого грузовые машины пускать в центр перестанем. И так пробки в центре постоянно.

Далее, по правую руку показалось огромное белое сооружение, словно вылепленное из пластилина с округлыми формами – словно капнули густой белой массой и капли подпрыгнули с поверхности и застыли:

– А это наш культурный центр.

– Вы его уже открыли? – спросил Волков.

– Да, в минувшем мае, – ответил Эмин, – видели бы вы какой был праздник, весь город собрался. В этом здании нет ни одного угла.

Сашка смотрел на уникальное строение с нескрываемым восхищением:

– Это просто потрясающе, – сказал он.

– Нравится? – спросил его Эмин.

– Не то слово.

– Вы, кстати, не проголодались? – произнес ожидаемую фразу Эмин.

– Пока что нет, – вовремя опомнился Волков, – как придет время мы скажем.

– Сегодня вечером обязательно поедем на бульвар, – ска-

зал Эмин, – я заказал там отличный ужин. Так что днем экономьте силы.

– Мы постараемся, – сказала Полина, – я специально готовилась к поездке и питалась умеренно. Так что вечером оторвусь.

Эмин рассмеялся:

– У нас голодными не будете никогда.

Проехав через красочные каменные джунгли, наполовину находившиеся в строительных лесах они оказались возле высотного здания, выполненного из камня и стекла. Нижняя его часть сохранила верность традиции и была выполнена с восточным колоритом, а вверх поднималась громада синего стекла. Удивительным было то, что все эти ультрасовременные строения смотрелись невероятно органично в сочетании с архаичными восточными постройками начала прошлого века. Следует отметить – все здания в центре находились в отличном состоянии. Эмин долго предлагал чете президента прогулку по городу, но все вежливо отказались, прекрасно зная, во что такая прогулка может вылиться в плане количества калорий.

Когда Максим и Сашка оказались в своем номере, то Сашка сказал:

– А он совсем не такой, каким я его представлял!

– Что ты хочешь сказать этим пассажем, – удивился Максим. Он знал Эмина давно и привык к его гостеприимству, разговорчивости и любви к своей стране.

– Многие наши средства массовой информации рисуют его как самого натурального диктатора. А это понятие у меня ассоциируется в первую очередь с человеком малопривлекательным, угрюмым и грубым. Которому глубоко наплевать на всех, кроме себя.

– А ты увидел...

– Ну а что ты увидел?

– Я к нему привык, – ответил Максим, – и никогда не считал его диктатором. Он скорее добрый папочка своего пяти-миллионного народа.

– Вот именно, – сказал Сашка, – я увидел то же самое. Как он нараспев рассказывал о том, как они мост строили, про этот культурный центр потрясающий и прочее. И ни разу не заострил внимание на своих заслугах в появлении этих построек. Он просто помешан на этой земле и своей стране. У меня не поднимается язык назвать такого человека диктатором.

– А я так никогда и не думал, – Максим упал спиной на мягкую кровать, – когда мы пойдем в город?

– Я думаю, что можно сбегать в душ, после чего слинять.

– В смысле? – вскочил Максим.

– Я же сказал тебе. Я не хочу идти в город с сопровождением. Мне интересно посмотреть настоящий город, людей. Пробежаться по магазинам, спуститься в метро, наконец.

– А это не опасно?

– Я так не думаю, – сказал Сашка уверенно, – у меня был

одноклассник родом отсюда. Он рассказывал, что местные приезжих никогда не трогают. Даже наоборот, стараются помочь в меру возможностей.

– Идем. Я в душ первым, – крикнул Максим, вскочил и скрылся в душевой.

Через тридцать минут братья осторожно выбрались из гостиницы, сказали портье, что пошли в торговый центр перекусить и растворились в городской толпе, отправившись по бульвару к близлежащему входу в метро.

– Я никогда не был в местном метро, – признался Максим, – и не уверен, что нас бы сюда повели.

– Естественно, – ответил Сашка, – зная их пунктик на гостеприимстве, если бы мы заикнулись о желании посмотреть метро – его бы день мыли, а потом держали день закрытым для обычных людей.

После небольших языковых затруднений парни купили себе магнитные билеты, положили на них необходимую сумму и отправились обследовать метрополитен. Архитектура произвела на них двойственное впечатление:

– На самом деле, – сказал Сашка, когда они ехали назад по северной ветке, – у них неплохо получаются станции в стиле хай-тек, а вот более старые производят двойственное впечатление. Мне они не особо понравились. Но, знаешь, у этого метро есть своя изюминка. Оно самое музыкальное, из тех, что я посещал ранее.

Дело в том, что при въезде на каждую станцию в ваго-

не начинала играть красивая музыка – к каждой станции – своя. Максим и Сашка не заметили молодого смуглого парня в футболке с национальным флагом и джинсах, который давно наблюдал за их беседой. В какой-то момент он решился и спросил их:

– Извините, вы не заблудились? Может вам помочь?

– Нет, спасибо, – искренне улыбнулся Сашка, – мы просто осматриваем ваш метрополитен.

– Вам нравится?

– Да.

– Вы впервые в нашем городе?

– Я впервые, – ответил Сашка, – а мой брат нет.

Максим про себя паниковал предвкушая, что сейчас они влипнут во что-то нехорошее:

– Вы знаете, – сказал парень, – я сегодня до четырех свободен, если хотите, я могу вам показать город, вы же не представляете что и где у нас есть.

Да, Максиму сразу пришлось откинуть свои нехорошие мысли в сторонку. Клиническое гостеприимство, только и всего. Воспитание. В какой-то момент ему даже стало стыдно, что в родном Озерске никто и никогда не додумается подойти к иностранцу и предложить просто показать город, ничего не попросив взамен.

– А давай, – сказал вдруг Сашка, про себя подумав, что узнав об этой очаровательной коллизии Эмин точно озолотит парня, – тебя как зовут?

– Самир.

– А меня Саша. А мой молчаливый брат – Максим.

Они обменялись рукопожатиями.

Когда завершился рейд по метрополитену они выбрались на поверхность в Старом городе. Павильон станции напоминал египетскую пирамиду, собранную из стекла. И неудивительно, что эта необычная конструкция органично вписывалась в древнюю застройку. Пробегав почти три часа по центру Самир, Сашка и Максим очень устали, в результате чего поступило предложение перекусить:

– Я знаю неплохое место, – сказал Самир, – там недорого и очень вкусно.

– Самир, – сказал Сашка, – я согласен, но с условием.

– Да?

– Каждый платит за себя сам. Я знаю, что у вас так не принято, но нам и так не совсем удобно, что ты потратил на нас столько времени. И потом, уже пять часов.

– Ай, – хлопнул себя Самир по лбу, – я сейчас.

Он достал свой мобильный телефон и сделал один звонок. Недолго побеседовав на местном языке, он вернулся к братьям:

– Все в порядке, Нигяр найдет нас в кафе, она сама задержалась в университете.

Кафе оказалось очень милым сооружением, встроенным в первый этаж старого дома. Памятуя о том, что вечером их ожидал гастрономический шторм, Сашка с Максимом огра-

ничились салатиками и супом с чечевицей. За обедом время пролетело незаметно – появилась Нигяр, очаровательная брюнетка среднего роста с длинными, слегка завивающимися волосами. Она ограничилась апельсиновым соком и завела беседу с иностранными гостями. Набор вопросов был стабилен – как вам город, впервые ли, что посмотрели и так далее. В какой-то момент она обратилась к Самиру на своем языке и сказала братьям:

– Мы отойдем, нам нужно немного посеCRETничать, – сказала она и вежливо улыбнулась.

Пока они беседовали в стороне Сашка и Максим снова подняли политическую тему:

– Заметь, сколько я за ними наблюдаю, они не производят впечатления людей, которые задавлены гнетом жестокой диктатуры. А они оба студенты, если помнишь. Самир химик, Нигяр учится на юридическом. А ведь именно студенты всегда находятся в арьергарде протестных настроений.

– Но мы же не знаем кто их родители, – благоразумно ответил Максим.

– Самир ездит на метро, – отметил Сашка, – значит родители не настолько состоятельны, чтобы позволить сыну машину. А Нигяр одевается достаточно скромно. Так что они не из крутых и богатых семей.

Самир и Нигяр вернулись к ним и сели за стол. Оба были несколько озадачены. Сашка с удивлением посмотрел на Самира, который с трудом удерживал смешок:

– Ребята, тут такое дело, вы только не обижайтесь, – сказал он посмеиваясь, – но Нигяр показалось, что вы... Не могу. Сама скажи.

– Мне кажется, что вы – сыновья Дмитрия Волкова, который сегодня утром прилетел в нашу страну с визитом, завтра будет презентация мужской коллекции Паулины Вульф – это его жена. Но Самир сказал, что дети президента просто так в метро кататься не будут.

– Будут, – серьезно сказал Сашка, – Нигяр, ты не ошиблась.

Самир рассмеялся:

– Быть такого не может, – сказал он, – что вы делали в метро?

– Как мы тебе и сказали сразу – мы осматривали его. Гуляли. И еще, кстати, хотим пройтись по книжным магазинам. Вы же поможете нам?

Самир и Нигяр кивнули.

Последствием посещения местных книжных стали восемь пакетов разнообразной литературы, преимущественно на местном языке. С этими огромными сумками они оказались в гостинице, где, как и ожидал Максим, их и не думали терять. Полина встретила их на этаже и удивилась:

– А вы откуда идете такой веселой компанией?

– Мы гуляли по городу, – ответил Сашка, заметив как смутились Самир и Нигяр, – а это наши провожатые. Мы осмотрели все достопримечательности...

– И насколько я вижу, опустошили парочку книжных лавок...

– Не без этого, – сказал Максим, – пойдешь с нами разбирать. Ах, прости, Полина. Это Самир и Нигяр.

– Очень приятно, – сказала Полина.

– Было бы неплохо пригласить их на сегодняшней обед у Эмина, и на завтрашнюю презентацию, – сказал Сашка. Их новые друзья в этот момент не то, что смутились, они были готовы рухнуть сквозь пол, настолько оказались не готовы к подобным пассажирам Сашки. Но свои приглашения на вечер у президента страны они заполучили.

Ребята вскоре отправились домой, чтобы подготовиться к великосветскому приему, а Полина вместе с сыновьями стала разбирать книги. Сашка включил радио и из него полились звуки песни «Вся моя жизнь» певицы Алены Ланской:

– Вот глупость Дмитрич сделал, – отметила Полина, – ведь Аленка точно бы в финал вышла. Хотя и парни были ничего, но им просто не повезло.

Красивая и лиричная композиция заполняла пространство гостиничного номера, пока они рылись в закупках. Полину крайне удивило множество местных книг:

– Сашка, неужели ты все это будешь читать, не зная языка?

– У них простой язык, может и выучу когда-нибудь. Лишним точно не будет.

Вечером чета Волковых была доставлена в загородную ре-

зиденцию из которой открывался прекрасный вид на вечернюю столицу. Для путешествия из центра города к окраине семья президента воспользовалась большим лимузином, который, правда, застрял по дороге, так как не мог вписаться в резкий поворот грунтовой дороги. С четвертой попытки президентский кортеж таки смог сделать необходимый вираж и проехать злосчастный поворот. Водитель очень просил Дмитрия не упоминать об этом неприятном инциденте:

– Вы понимаете, – говорил он, – не я виноват в том, что они не успели положить асфальт, а должны были, – у водителя наблюдалась вполне предсказуемая паника, так как он про считал виноватым и себя, хотя к не уложенному вовремя асфальту никакого прямого отношения не имел. Волков списал это на фирменное местное гостеприимство.

Самир и Нигяр ждали братьев на стоянке возле виллы. Они приехали на скромном и немного потертом «Фиате», но при этом здорово нарядились для вечеринки. От повседневных нарядов не осталось и следа. Самир был в элегантном костюме и при галстукe, а Нигяр и вовсе была ослепительна в вечернем платье, которое элегантно подчеркивало ее хрупкую фигуру. Все семейство Волковых просто залюбовалось получившимся цветком. А платье показалось Полине до боли знакомым. Нигяр заметно ожидала вопроса и готовилась с гордостью ответить:

– По-моему, – пробормотала она, – это платье...

– Да, – сказала Нигяр, – оно из вашей зимней коллекции.

– Обернись, – Полина подхватила Нигяр за руку и осмотрела ее, – должна признать, что ты просто спасла его. Я считала его не самым удачным и сомневалась, что его следует оставлять в коллекции.

– Пойдемте уже, – заторопился Волков, – мы и так приехали впрытык.

Когда Сашка оказался в патио, где уже были приготовлены столики, ему показалось, что он перенесся в совершенно иной мир. О том, что он находился в восточном государстве напоминали разве что музыканты, которые поигрывали что-то очень красивое и национальное. В остальном обстановка производила впечатление, что дело происходит где-то на вершине мира, в Монте-Карло или на Лазурном берегу. Вид города, светившийся неподалеку только дополнял весь этот букет.

Вскоре к ним подошел Эмин – он был элегантно одет, но без излишеств – никаких золотых цепей, перстней и прочей подобной мишуры:

– Как вы добрались до виллы? – спросил он.

– Отлично, – сказал Волков, – водитель был вовремя, вот только мы задержались.

– Как вам город? – спросил Эмин Сашку.

– Отлично, – ответил тот, – метро конечно несколько переполнено, но то в каком оно состоянии содержится заслуживает похвалы. Центр просто восхитительный. Вот только книжных магазинов мало. Неужели в вашей стране так мало

читают?

Эмин застыл удивленный:

– А когда вы успели все это посмотреть?

– Сегодня, – сказал Сашка, – и на метро хватило времени, и на центр.

– Но почему вы не попросили, чтобы вас повезли, все бы показали...

– Мы хотели все увидеть настоящим, – ответил Максим, – и мы под впечатлением. Кроме того, у нас были отличные гиды.

Тут Самир и Нигяр поняли, что братья сделают тонкий ход, дабы президент расшаркался перед ними. Их представили Эмину и тот высоко оценил их действия:

– Спасибо вам. Благодаря таким как вы, те кто приезжают к нам будут уезжать в отличном настроении!

Подали вино и все с радостью чокнулись за встречу:

– А сейчас, устраивайтесь за столом, подадут ужин, – сказал Эмин и удалился раздавать распоряжения.

Словно по взмаху волшебной палочки стол быстро был заполнен разнообразными закусками и салатами. Многие из них Сашка видел первый раз в жизни.

– Это что? – спросил он осторожно Полину.

– Сырокопченая осетрина, а это белуга. Тоже копченая. Попробуй, она немыслимо вкусная.

Выбор деликатесов был настолько огромным, что оставалось только расстраиваться, что не успеешь попробовать все

и сразу. Сашка слишком быстро наелся закусками, а на очереди еще были горячие блюда. И их тоже оказалось очень много.

Волков очень быстро удалился от семейного ужина и отправился к Эмину обсуждать дела государственные. Два президента планировали двойственный альянс для удержания цен на нефть на максимально выгодной для обеих стран отметке.

– Я никогда столько не ел, – признался Сашка, – мне кажется, что еще немного и я взорвусь на месте.

– В нашей стране в шутку, – объяснил Самир, – это явление называют терроризмом.

Полина и Максим перекинулись непонимающими взглядами. Самир весело рассмеялся.

– Да. Именно терроризмом. Кулинарным само собой. Потому что для религиозного у нас маловато ресурсов.

– Это как понимать, – удивился Сашка.

– Очень просто. Религия не удерживает в нашей жизни столь высокие позиции. Я не могу сказать, что я атеистка или еще что-то, – пояснила Нигяр, – но я не ношу паранжу или хиджаб. И никогда в жизни не позволю моему Самиру завести вторую жену.

Самир поднял руки:

– А я претендую?

– А ты бы попробовал, – сказала Нигяр и поцеловала своего жениха.

Когда вечеринка склонилась к закату гости увидели редкое зрелище. Эмин, вспомнив о своем музыкальном прошлом согласился выступить на сцене и спеть несколько своих старых вещей. Гости тепло принимали бывшего певца, а Самир заметил:

– И поет он не хуже, чем управляет государством.

Сашка съел в тот вечер так много, и выпил столько, что отключился уже в лимузине и не помнил, как поднялся в номер отеля. Всю ночь он проспал без задних ног. В девять часов его разбудил Максим и напомнил, что они с Самиром и Нигяр договорились съездить на море, чтобы искупаться. В последний момент за ними увязалась Полина. Вся компания с трудом поместилась в старенький «Фиат». Полина села вперед, а Нигяр оказалась зажатой между двумя Волковыми. На сей счет отпустили парочку шуток о том, что Самиру стоит побеспокоиться, но Нигяр все посягательства пресекла. Безветренная погода в тот прекрасный солнечный день располагала к тому, чтобы всласть понежиться на солнышке и поплавать в спокойном море.

Когда от воды уже началась усталость (так как ее температура была достаточно высокой), Сашка разместился в шезлонге рядом с Нигяр, которая млела на солнце в обществе безалкогольного мохито. Сын президента решил завести разговор, который ему был давно интересен:

– Нигяр, у меня есть парочка неудобных вопросов тебе, как к студентке юридического факультета...

– Ты совершил что-то противоправное и тебе нужна консультация по уголовному кодексу нашего государства? – пошутила Нигяр улыбнувшись.

– Нет. Не об этом. У вас в стране уже двадцать лет правят представители одной и той же семьи. Многие политики и журналисты считают этот режим диктаторским. Вот скажи мне, вы считаете своего президента диктатором? Человеком, которого бы хотелось свергнуть?

– Ответ отрицательный. Такие вещи может говорить только тот, кто совершенно не знает нашего народа, нашу культуру и обычаи. Для нас главное – семья – и авторитет отца в таком образовании всегда считается непререкаемым. Не буду отрицать, что бывают самодуры. Но в нашем народе это редкость. Так же и с властью. Президент воспринимается нами как отец. Когда покойный папа Эмина стал президентом в стране царил голод, разруха. Я тогда маленькой была и хорошо эти времена помню. Он многое успел сделать до своей смерти, а его сын продолжил дело отца. Мы им гордимся, так как страна во время его правления изменилась. Мы стали лучше жить. Не буду говорить, что мы купаемся в золоте и едим черную икру на завтрак. Но стало намного лучше. Мы видим, что он беспокоится за то, как наша страна выглядит. Потому что он настоящий представитель нашего народа.

– Мне, как яркому противнику социализма, это не понять.

– Саша, – рассмеялась Нигяр, – это не социализм. Это семейный уклад. Я не могу подобрать правильный термин для

такого явления. Просто весь народ – это такая же семья. Такая вот наша особенная восточная форма демократии.

– Но это не демократия. Что это тогда?

– Не вдавайся в термины. Я думаю, что сейчас у нас она невозможна. Все очень просто. У нас не такая богатая история государственности, чтобы просто дорасти до демократии. Сейчас она просто не нужна. Ты подумай, а я пойду поплаваю.

Нигяр встала из шезлонга и скрылась в легкой и чистой морской воде. Сашка задумался. Это значит, что и его ожидает нечто подобное? Раньше был сыном президента, а теперь... Президент?

Вечером состоялась презентация коллекции Паулины Вульф, которая, как и ожидалась закончилась триумфом и шумной вечеринкой на берегу моря.

Утром Волковы возвращались домой. Эмин провожал их в аэропорту:

– Я буду очень рад видеть тебя снова, – сказал он Сашке, – был очень рад знакомству...

Уже в самолете недавний разговор с Нигяр всплыл в очередной полемике с Волковым-старшим. Дмитрий настолько устал от восточной страны, что позволил себе жесткий пассаж, как только самолет взлетел:

– Господи, каждый раз отсюда улетаю и чувствую себя отвратительно. Их восточное лицемерие просто непередаваемо. Сам он купается в бассейне с шампанским, устраивает

вечеринки с осетриной и дорогим виски рекой, строит культурные центры, от которых у Аалто¹⁰ бы припадок зависти случился. А все – нефть. Сами недавно из-под пальмы вылезли и благодаря этой нефти купаются в деньгах. А что у него на периферии творится, представить страшно – нищета, антисанитария. Ну и политзаключенные... Самый натуральный диктатор. В худшем его проявлении. Потому что строит из себя такого правильного и демократичного.

– Папа! Ну чья бы корова мычала. У самого в стране не пойми что, а не строй, – сказал Сашка.

Волков вспыхнул:

– Сопляк, ты бы помолчал.

– А у тебя более серьезного аргумента не найдется? Ты же помнишь, я говорил, что не считаю возраст нормальным конструктором. Его используют, когда уже толком сказать нечего.

– Папа, – вдруг встрял Максим, который раньше в политических спорах за столом участия не принимал, – я согласен с Сашкой. То что есть в этой стране, не есть диктатура.

– Еще и ты будешь его защищать? – воскликнул Волков, – Полина, ты слышала?

– Мальчишки, – сказала она, – я в ваших боях в грязи участия не принимаю. Я коллекцию показала, и счастлива по самые уши. А у тебя между прочим, толковый сын – ни одна из моделей не будет дорабатываться, и все благодаря Сашке,

---

¹⁰ Алвар Аалто – финский архитектор, автор множества авангардных строений.

который все недочеты заметил еще в Озерске.

– Давай так сделаем, – сказал Сашка, – не будем трогать нашу страну, а то тебя это слишком задевает. Словно ребенка. А вот про ту страну, из которой мы только что улетаем я могу сказать вот что – это не демократия. Это семья.

– Час от часу не легче, – ахнул Волков.

– Я посмотрел на Эмина, мы об этом с Максимом еще в первый день говорили. Я не слышал, чтобы он заострял внимание на роли своего «Я» в том, что нам показывал. Он все время говорил «мы». А потом, нечто похожее нам выдали Самир и Нигяр. Которых мы встретили совершенно случайно, в метро.

– Да? Случайно?

– Да, – сказал Сашка, – он даже не поверил Нигяр сначала, когда она нас узнала.

– И ты на это повелся? – расхохотался Волков, – я уверен, что за вами следили от самой гостиницы и подсунули этого Самира. А вы уши развесили – какие они все гостеприимные. Как ребенок маленький. Саша, они вас специально сопровождали. Неужели ты всерьез веришь в то, что к тебе могли вот так просто подойти в метро и предложить помощь.

– А мне наплевать, – сказал Максим, – я им верю и точка. Они вели себя искренне!

– А я добавлю парочку аргументов в пользу того, что твои сомнения смехотворны. Первое – мы везде во время прогулки платили за себя сами. Подосланный человек бы точно не

допустил такого. И второе. Я не думаю, что Эмину хватило бы глупости заставить нас ездить в тесном фиате...

– Да, – вмешалась Полина, – не скрою, что «фиат» на меня произвел неизгладимое впечатление. Порой казалось, что это ведро с гайками развалится по дороге. И он был тесный. И Сашка, а чего ты молчишь о том, на каком мы были пляже?

– Точно, – сказал Максим, – мы купались на открытом городском пляже, и народу там было достаточно. Не могу сказать, что очень много. Но люди там были. Так что три аргумента против твоей теории.

– Я пас, – отмахнулся от них, – вы не хотите снимать розовые очки. Свое гнездо ругаете как недостойное, а приехали к этим показушникам и растаяли на месте. Слушать противно. Они же пыль в глаза всегда пускают активно, чтобы вы о них говорили только хорошее. А скажете поперек – возмутятся.

– Ни слова против власти Нигяр не говорила.

– Значит точно шпионка, ты с ней переспать не успел случаем, – язвительно спросил Волков, – а то так защищаешь, а там смотри, окажешься перед судом ее двадцати братьев.

– С тобой бесполезно говорить, – Сашка отвернулся к иллюминатору и смотрел на бухту и прекрасный город, пролетавший под ними... Девочка в углу несколько успокоилась, и снова продолжила реветь.

5. Словно в первый раз

*У меня внутри плохое предчувствие
Словно только я пытаюсь смотреть в будущее
И этим я сталкиваюсь сам с собой
Я потерял аппетит и не могу уснуть до
рассвета*

*Хотя вставать рано
В конце концов сердце нельзя принуждать
Душа не запретит
И пути назад нет.*

Current Music – Terminaator – Nagu esimene kord

Июльский луч жаркого солнца пробился через бамбуковые жалюзи и осветил пыльное помещение, в котором спал человек. Эта комната была одной из многих, в огромном многоквартирном доме на Вологодской улице – вдали от метро, почти на городских выселках. Самая стандартная мебель – платяной шкаф, письменный стол с компьютером, тумба для постельного белья и старомодный комод с одеждой. И объединенная с жилой комнатой по принципу студии кухня с несколькими шкафчиками и небольшим обеденным столом. Вот и вся обстановка. Большого Олегу Любимову и не нужно было. Заработок журналиста все равно не приносил столько дохода, чтобы была возможность обзавестись жильем посolidнее и более стильной меблировкой. Такая работа не приносит много денег. Она может только прово-

цировать множественные проблемы в жизни. Олегу не раз приходилось менять жилище, прятаться, так как он ни разу не позволял себе писать под заказ и неправду. В этом состояло его журналистское кредо. От природы не красавец, он не пользовался особым успехом у противоположного пола. Короткие светлые волосы, яйцевидный череп, прищуренные глаза, спрятанные за очками и крупное телосложение. Олег не страдал от излишнего веса, но, при этом, выглядел очень внушительно. Однако, все эти неприятности со слабым полом не являлись для него чем-то ужасным и глубоко трагическим. Дело в том, что Олег оставался верен своей школьной влюбленности по имени Лена Дятлова. Учитывая, что со школьных времен минуло уже почти десять лет, их романтические отношения пребывали в активном состоянии, но о браке они не задумывались (несмотря на активные требования со стороны родственников разного калибра – от родителей и бабушек заканчивая кузинами и кошками любящей тетушки). Причины при этом возникали с обеих сторон и по самым разнообразным поводам.

В этот день Олег спал один – Лена уехала за город, навестить бабушку и должна была вернуться к завтраку на первой электричке. Машину она не использовала принципиально, так как испытывала клиническую непереносимость всех проявлений дорожных заторов и пробок, которые во-круг Озерска по утрам были довольно интенсивными.

Лена осторожно открыла дверь своим ключом и увидела

зрелище, к которому уже давно успела привыкнуть. Из раковины высилась огромная куча грязной посуды, на стуле во взбитом состоянии была разбросана одежда, которая всем своим видом молилась, чтобы ее срочно постирали. Или выбросили. Сам Олег спал на кровати в одежде. Судя по всему он приехал с очередного рабочего задания в третьем часу ночи и упал спать. А посуда осталась с его дневного обеда. Раздраженная Лена бросила сумочку, захлопнула дверь, а потом подошла к раковине и демонстративно уронила на пол металлическую миску. Лязг раскатами грома пробежался по комнате, ударом с пола были взбиты мохры пыли. Никакой реакции. Лена рассвирепела. Она отпила из чайника, поняв, что вода холодная, Лена схватила его и пошла к постели где по-прежнему валялся Олег. Вода потекла за шиворот. Это оказалось намного действеннее миски. Олег резко вскочил на кровати и некоторое время метался в поисках течи. Потом, уже продрав глаза и одев очки увидел свою дорогую Леночку:

– Любимов, – твердо отчеканила она, – почему, стоит мне уехать на несколько дней, эта квартира превращается в самое настоящее логово и свинарник?

– Лена, – Олег обнял ее, рассчитывая таким образом задобрить.

– Прекратить эти нежности, – продолжала возмущаться Дятлова, – почему ты не вымыл посуду? Спишь в одежде. Я теперь постельное белье стирать должна?

– Его все равно уже давно надо было выстирать, – стал оправдываться Олег.

Лена была небольшого роста, темные волосы укладывала в каре. Пронзительный взгляд сине-зеленых глаз скрывался за стильными остроугольными очками. Со школы она отличалась острым умом и умением быстро принять решение. Возможно, именно по этой причине она легко окрутила Олега, который всю жизнь предпочитал удобное место для сидения и не хотел ничего решать. А Лену эта позиция перманентной доминанты очень устраивала.

После некоторого времени в состоянии мягкой семейной разборки Олег был отправлен мыть посуду, а Лена побежала в душ, а после сочинила небольшой завтрак. За едой между влюбленными произошел разговор, на уже давно набившую оскомину тему:

– Тимур снова забраковал мой материал про этих ненормальных политиков из парламента, – жаловался Олег, – он искренне считает, что его не стоит предавать огласке, поскольку он может повредить нашему изданию. А в свете нового закона о клевете, по которому за такую статью можно сесть за решетку, Тимур вообще боится пропускать что-то острое и опасное.

– Может у тебя было недостаточно фактов, – поинтересовалась Лена.

– Я никогда не пишу, если фактов мало, – уверенно ответил Олег, – ты же меня знаешь. А эти гады, которые за день-

ги налогоплательщиков принимают сверхстранные законы, которыми защищают себя от них же. Чтобы обычные люди не могли сказать ничего плохого о человеке, которого они же содержат, когда вычитают из зарплаты процент в пользу государства. Именно поэтому закон о клевете в новом виде смехотворен. Потому что он показывает их трусость.

– Для тебя это новость? По-моему все это стало очевидно еще несколько лет назад, когда их партия стала терять популярность, и в регионах, где происходил спад резко меняли руководителей. Чтобы рейтинг поднимали.

– Вот видишь, – Олег задумался, – а у нас в Стране вообще есть регионы, где в руководителях не сидят выходцы из Партии.

– Кажется есть, – ответила Лена, – надо порыться в моих бумагах и проверить. Но я думаю, что там в лучшем случае какой-нибудь выходец из любой другой ручной для власти партии. Ты же знаешь, что у нас в парламенте оппозиция не представлена, так как ее попросту не регистрируют, чтобы под ногами не болталась.

– Да какая там оппозиция, – махнул рукой Олег, – они представляют собой жалкую пародию на это понятие. Их сходка в Гостином Дворе была самым настоящим посмешищем. Эти люди никогда не соберут достаточное количество сторонников. Власти им не видать.

– Но что же тогда делать? Если эту власть никто не скинет, поскольку некому. А она не так уж и хороша.

– Они сидят на своих насестах и не хотят с них валить. Вот в чем проблема. Их надо ломать. Показывать на их ошибки, просчеты и преступления. Иными словами – если власть не скинуть, ее надо изменить своими силами.

– Не смеди меня, – улыбнулась Лена, – когда у нас власть менялась под действием комариного писка?

– А что делать? Уезжать? Не хочу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.